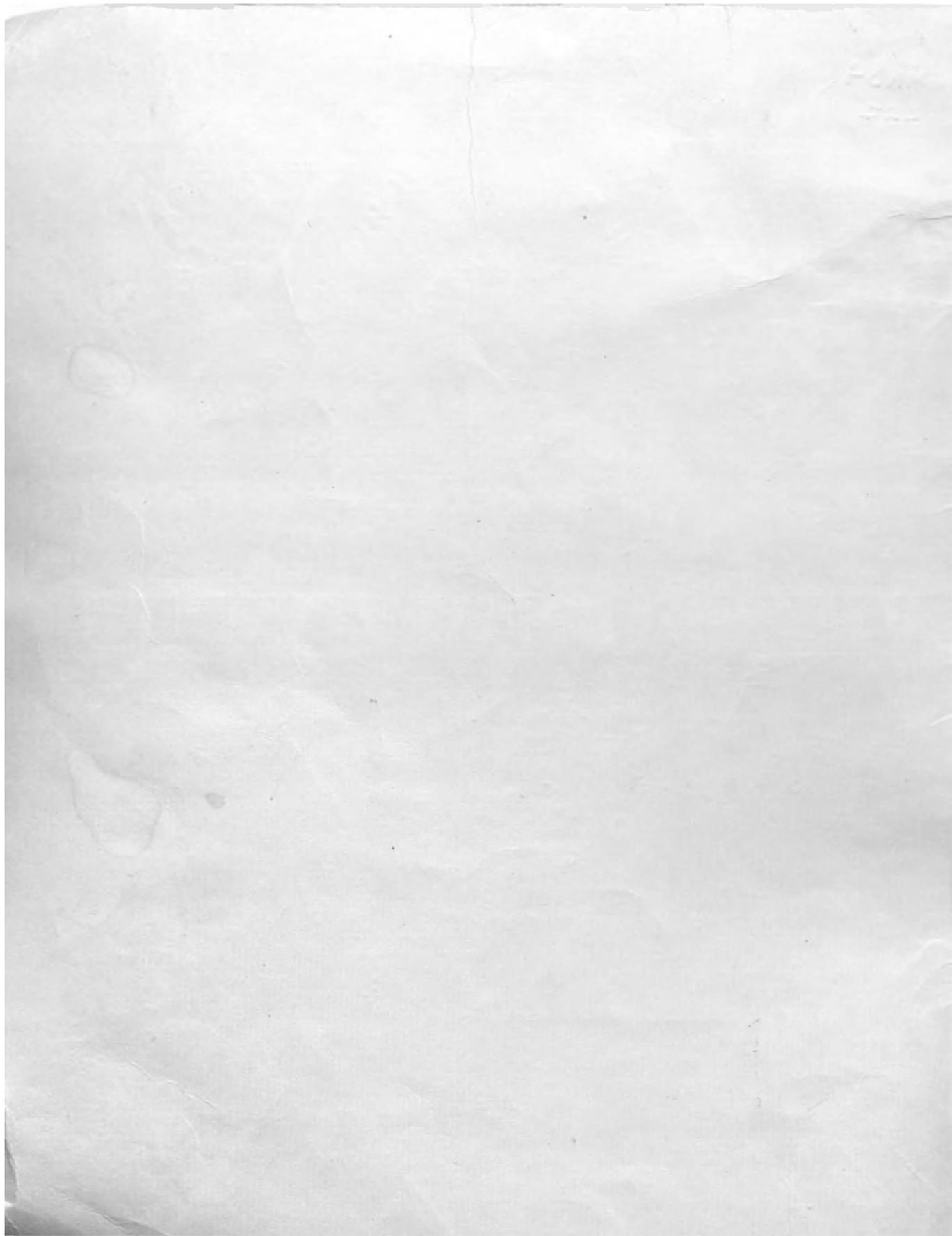

МАРГАРИТА АНИСИМОВА

ТАНЯ-БОГАТЫРЬ

МАРГАРИТА АНИСИМОВА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

998.

24/vii - 324
260803-388

2005

30.01-87

2011

24.10-163

2017

1/05

СВЕТЛО
1973

BIS NIZHNEVARTOVSK

4127611060

P2
A67

Художник Н. МАСУМОВА

Анисимкова М. К.

А 67 Таня-богатырь. Мансийские сказы. Свердловск, Средне-
Уральское книжное издательство, 1973.

64 с. с илл.

Поэтичны, своеобразны сказы народов Севера. М. Анисимкова много лет живет
на Севере, знает жизнь, быт манси. Настоящая книга — переработанное и дополни-
тельное издание сборника сказов, вышедшего в 1960 г.

А $\frac{0763-058}{M 158(03)-73}$ 58-73

P2

Средне-Уральское Книжное Издательство, 1973.

МН84
А67

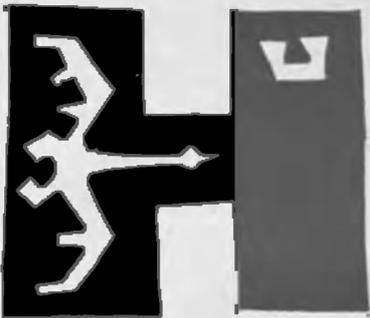
МАРГА
РИТА
НИ
КИМ
КОВА
АШНЬЯ
БОГАТЬІРЬ
АНСІЙ
СКІЕ
СЖА
ЗЫ

Нижневартовское
МУ "БИС"
ИНВ. № 73613/1

✓
-389
1

СЕНЬКИН ПАЙ

е на шутку расхворался старик Коконя: на глаза накатилась темная ночь, по спине будто кто палкой ударил, ноги не шевелятся — словно в капкан пойманы.

Много ночей не спит, лежит старик, думушку думает да сыновей ждет. А сыновей все нет. За теплом послал их старый охотник. Слышал он от отца своего — есть места, где земля теплом дышит.

К вершине реки Нельмы послал он Прокопку, к реке Кедрачей направил Никифора. Только млад-

шего Сеньку, не знает Коконя, с какой стороны ждать. Не знает, в какой бор, в какой урман он ушел.

А Сенька тем временем исходил, измерил шагами берега рек пологих и крутоярых, обошел дремучие леса, ходко, торопно борами ходил. Увидел однажды под горой, в логу, непроглядный дым.

Смотрит: клубы черные к небу тянутся, гарью копотью затянуло все, а у самой земли пламя великое на ветру дрожит, жаром дышит. То затухнет, в землю спрячется, будто силы там набирается, то опять вырвется — клубы черные гонит по небу.

Никогда глаза Сеньки такого не видели, даже бабушка длинными ночами в сказках своих про то не рассказывала.

Испугался Сенька. За куст спрятался, переждать хотел пожарище, а оно в осенней ночи разгоралось пуще прежнего. И казалось ему, что сама земля под ним движется, содрогается.

Непугливый Сенька был с малых лет. По лесам днем и ночью расхаживал, не однажды в медвежью берлогу с заиндевелою отдушиной ель вталкивал и будил хозяина сердитого. Только этим днем не узнал себя Сенька. Задрожали ноги, заподкашивались, руки плохо ружье держали.

А жара вокруг стояла нестерпимая. Спихватился тут Сенька, догадался, что нашел тепло земное.

Не занимать Сеньке смекалки, сноровистости. Он смолистую сухару* за комель схватил, подтащил поближе к пожарищу. А прожора-огонь будто ждал того: облизал сухару языками своими жгучими, обвил ярким пламенем, засветил в темноте, обогрел округу теплом.

И понесся Сенька сколько духу есть к родным местам, где отец жил. А сухару, земным огнем зажженную, не выпускает из рук.

Как раз в это время старик Коконя еле вышел из чума с деревянной колотушкой в руках и давай стучать в бубен, сзывать сыновей.

Бил, бил, устал. Ушел в чум, лег на шкуры. „Видно, далеко ушли“, — думает. Набрал силы старый охотник. Снова вышел из чума, колотушкой стал стучать по деревьям. Не услышали сыновья.

Не хотелось умирать Коконе, не повидав сыновей своих. Попросил тогда он птиц и зверей позвать их.

Разлетелись с шумом по тайге птицы, разбежались по округе звери.

А сыновья-то — Прокопка с Никифором улеглись на мхом выстланной борвинке, где речной прибрежный ветер гнус отгонял, где не тревожил их ни комар, ни заблудший шмель.

— Где его найти-то — земное тепло? — лениво открывая глаза, Прокопка спрашивал брата.

— Да нет его совсем! Это отец выдумал! — промычал сквозь зевоту Никифор и на другой бок перевернулся.

И тут послышался громкий птичий крик. Вскочили братья.

А птицы летят, гогочут, крыльями машут — каждая рассказывает, что старик Коконя собрался навсегда оставить землю, домой сыновей зовет. Догадались братья, что отец надумал угоды делить. У отца они немалые. По реке широкой Югану тянутся хмурые урманы с соболями да белками, с горностоями, лисами, да с другою всякой живностью. В тех урманах сам хозяин тайги живет.

В реках, в заливных местах у чистых песков, да в заводях косяки рыб плавают. На болотинах зыбких вкусный душистый ягель-мох растет. Ест его олень — сильный бывает, ветер и тот не догонит его — отстанет.

Округлились у обоих братьев глаза, потерялся голос. Боятся: как бы их отец не обделил.

* С у х а р а — дерево, высохшее на корню.

— Мой пай будет — все урманы с соболями, с кедрачами и грибами, — кричал во всю силу Прокопка.

— Нет, мой пай — все урманы с соболями, с кедрачами и грибами, — перекричал его Никифор.

— Нет, мой пай! — хрипел Прокопка.

— Нет, мой пай! — орал Никифор.

И бежали они так, что травы гнулись, расступались деревья.

А с другой стороны бежал лесом Сенька, освещая ярким светом дорогу нелегкую, неторную. И не разглядел второпях он корягу смолистую, упал, уронил пламя на землю.

А огонь тут же пошел по кустам, по деревьям шарить: зачернил кусты, поджег травы, охватил пламенем деревья вокруг. Долго хлестал Сенька огонь ветками, тушил пожар. Да видит, не сможет он один справиться. Побежал к реке Югану и давай поклоны ей бить, давай ее просить пособить в беде.

А река сложила волны, приумолкла, почернела и будто не слышит. На колени пал Сенька, пригоршнями черпал воду и шептал ей сквозь слезы. Не хотелось охотнику, чтобы ветер разнес по тайге молву, что упустил он земное тепло.

Вдруг одна волна всплеснулась, окатила Сеньку, смыла грязь и копоть с его лица и толкнула дальше от берега.

Отбежал Сенька, а вода — за ним. Он шаг шагнул — она за ним, второй шагнул — она дальше подгоняет.

А вокруг пожарище бушует, дурит, жжет все вокруг. Торопит река Сеньку, вся дрожит мелкой рябью.

Сколько дней пробежал Сенька, сам не знает, птицы знали — и те забыли.

А речка мчится, позади себя берега крутые оставляет, не пускает пламя дальше в тайгу.

Тут выскочил Сенька на крутой яр, а речушка обежала круг да с другой стороны к самому Югану и подошла. Обняла вода огонь, остров сделала. Черный остров, горелый остров. Огляделся Сенька кругом, видит: приумолкла река, присел огонь к земле, только гарь стелется. Обтер изодранным рукавом малицы* Сенька пот с лица, затянул крошни** потуже, вздохнул глубоко и к отцовскому чуму быстрыми шагами отправился.

А там били бубны — под раскидистой сосной хоронили старого Коконю. Так и умер он, не дождавшись младшего сына с земным теплом.

Упал на колени Сенька, зашептал отцу:

— Ты прости меня. Не донес я тепло. Потерял. Оставил на острове.

И слышит он вдруг тихий голос:

— Помолчи. Не пришла пора про земное тепло разговор вести.

Оглянулся Сенька — никого. Только братья стоят, брски нахмурили, смотрят так сердито.

Потом Прокопка проговорил нехотя:

— Не оставил отец пая тебе! Нам с Никифором разделил угодыя. Ты и так проживешь.

— Шибко долго земное тепло искал, пусть оно и греет и кормит тебя. Ха-ха-ха! — засмеялся Никифор.

* М а л и ц а — верхняя меховая одежда.

** К р о ш н и — приспособление для переноски груза.

Видит Сенька — около ног собака вертится, в глаза ему смотрит, скулит жалобно. Взял он ее с собой и на остров горелый отправился. Чум поставил, снасти сплел и стал жить в дружбе с ветром и рекой.

Жил, не печалился. Сыновей растил, учил честно жить, земное богатство беречь.

Много зим прошло, побелели кудри у Сеньки, обросла борода белым мхом, паутинка тонкая исчертила лицо.

Как-то на рассвете, когда лучи солнца из-за леса показываться стали, когда в заводи сонно утка прокрякала, сзывая птенцов, да, потягиваясь на суку, белка хвост прихорашивала, выехал на своем облазке* Сенькин младший сын. Едег, любитесь простором речным, островом родным, видит: из-за мыса лодка выплыла, к их острову направилась.

Плывут люди шумно, разговор ведут, на берег сходят.

Говорят что-то на незнакомом языке, понять Сенька-младший не может. Позвал отца. Захлопотал старый охотник, угостил гостей вкусной нельмой мало-сольной, налиమ్ью уху сварил. Рад был старик, что люди его про тепло земное спросили. Видно, время пришло!

Смотрит на гостей, радуется, а они по острову ходят, оглядываются. А потом спрашивают:

— Как зовут люди этот черный остров?

Посмотрел вокруг старик, прищурил глаза, почесал пятерней седую голову, пожал плечами да и говорит:

— Тут? Тут Сенькин пай!

— Сенгапай? — переспросили его люди.

— Ага, ага, Сенгапай! — добродушно согласился охотник. — Тут тепло земли живет. Много-много! Сенька-сын казать будет. Он знает.

И пошла молва про остров неслыханная. Нефтяною кладовуц кой это место люди звать стали. А когда пришла пора, то Сеньку-младшего как хозяина острова — отца уже не было в живых — попросили первого открыть задвижку от большй трубы, по которой люди собирались отправлять земное тепло.

Пришло в тот день на горелый остров народу видимо-невидимо. Смотрят — Сенька-младший разнаряжен по-праздничному: малица белая как снег, вся расшита по рукавам и подолу рисунками хитрыми, на ногах бродни новые, перевязанные у колен разноцветным шнурком с кистями пушистыми. На широком сыромятном ремне в ножнах с резной рукояткой нож висит охотничий да табакерка отцовская с амулетами.

По-хозяйски подошел к задвижке Сенька-младший, улыбнулся всем, вздохнул полной грудью и повернул ее.

Заурчало что-то в трубе, зашумело.

Припал Сенька ухом к трубе да как закричит от радости:

— Идет! Идет! Земное тепло идет!

* О б л а з о к — небольшая лодка.

ЗАКОЛДОВАННОЕ СЛОВО

е у синего моря, не у горных круч, не у рек могучих, а в глухой тайге жил Тарка-охотник.

С ветром в детстве Тарка дружил: он его и ласкал, и за кудри трепал, и учил, как свистеть-кричать, где на случай беды искать. С детства Тарка и к морозу привык. Знал проделки и повадки его. И по хрусту деревьев угадывал, где шагает мороз, серебрит все вокруг, леденит. В такую пору долго в чуме охотник сидел, ноги грел в золе, ждал, когда мороз пройдет, успокоится.

А под песни пурги засыпал крепко, видел сладкие сны.

Как настанет пора, на охоту Тарка торопится. Разглядит он под утренней порошей соболий след, идет день, идет другой, идет много дней, все равно изловит зверя.

В неудачные дни говорил сам себе: „Не ругай, Тарка, ловушки, нет у них ума“.

А сам думает: „Плохо, плохо, Тарка, охотился. Пустые крошни — тяжелая ноша охотнику“.

Так и жил Тарка на родной земле.

Как-то под вечер торопился Тарка с охоты, густым лесом шел, прямой дорогу к чуму искал. Вдруг учуял он запах дыма едкого. Остановился, постоял, поглядел в разные стороны. Тишина, только черный дым меж деревьями крадется, как лиса. Сбросил Тарка крошни с плеч и пошел посмотреть, кто в тайгу пришел? Кто дым по тайге пустил?

И увидел Тарка большие костры. Притаился за деревьями, смотрит, слушает, видит: люди топорами стучат, гул кругом стоит, с шумом падают кедры могучие. Их в костры бросают, только искры к небу летят, дым по земле стелется.

Вдруг гром раздался. С перепугу присел Тарка. „Кто среди зимы гром делает? — подумал и назад побежал. Видит: звери бегут и птицы летят, обгоняют его. — Кто в тайгу пришел? У кого спросить?“

Прибежал Тарка к озеру. Изловил оленя белобокого и бегом к берегам речным — ветер отыскать, ветру рассказать про беду в тайге.

И помчал его олень во весь мах: из-под широких копыт снег комьями выбрасывая, рога большие ветвистые на спину закидывая. Долго бежал олень, устал. Остановился. Рогом снег пободал, на колени пал.

— Ты оставь меня, Тарка-охотник! — вдруг сказал олень голосом человеческим. — Отпусти на болото меня, дай набраться сил!

Рассердился Тарка, вскочил с нарт* и давай кричать, ругаться.

* Н а р т ы — сани для езды на оленях или собаках.

— Ты дурной олень! Стороной бежишь! Мох-лишайник ешь! Ничего не глядишь! В тайгу люди пришли! Дым-огонь принесли! Загорит тайга. Злой огонь весь лишайник съест, не оставит мха...

Вскочил олень, промычал, проревел, боль-усталость встряхнул — и с вспотевших боков на землю ворсинки посыпались.

— Уж недолго бежать! — слышит крик в стороне.

То сова кричит с опаленным крылом.

— Ты по сору беги! Потом к Янге сверни! Через гору скачи! И на берег реки!

И помчался олень, обгоняя птиц: на сор прибежал, по Янге свернул, через гору на берег выбежал. А ветер тут как тут. По широкой реке катается, то в одной стороне, то в другой его длинная снежная борода покажется. То в вершинах деревьев зашумит, бородой за ветки зацепится и придавит их к земле, то кустарники треплет, то с пушистыми снежинками заигрывает да так закрутит их, что до самых звезд они поднимаются. Улыбается ветер, радуется.

Как увидел Тарку, шапку с него сбросил, укатил в кусты и давай кидать самого в разные стороны. От куста к кусту, от кочки к кочке. Шагу сделать не может охотник.

— О-го-о-го! О-го-го! Ты дурной ветер, зачем балуешь? — закричал Тарка-охотник. — Я к тебе за помощью пришел!

Ветер замолчал, за деревья могучие ухватился, качается, головой трясет, бородой метет, только снег летит-кружит в разные стороны.

— Говори скорей! — кричит. — Сил не хватает стоять.

— В тайгу плохие люди пришли! — крикнул охотник. — Дым-огонь принесли! Среди зимнего дня гром делают.

Зашумел ветер, полетел. Летит, летит, остановится. Видит: тихо спят снега, под тяжелым льдом дремлют реки, а от леса гарью, дымом напахнуло.

Видит: войско большое прискакало. За плечами у солдат котомки немалые. Кони сытые, запряжены в сани-розвальни.

Заскрипели полозья, забуровили кони нетронутый снег.

Вздрыгнул ветер, от злости затрясся весь. Закружил, замел — не видать ни следа, ни дороженьки. Лопотину рвет, полы прямо на голову закидывает. Ну, раздеть, разуть норовит. Даже кони и те с ног валяются.

— На какой нам леший эта Сибирь! — взмолились люди. — Ни следа, ни дороги нет. Жди — мороз еще в гости пожалует!

— Устоим. Приберем к рукам. Обуздаем всех. На то и послано сюда войско царское!

Взметнулся ветер, взлетел в облака и помчался брата мороза на подмогу звать.

А тем временем войско царское разожгло костры огромные. Торопилось у огня отогреть руки примороженные.

Покряхтел мороз, подкрался тихонечко. Поначалу со всеми заигрывал. Кому нос щипнет, кому ухо, а кому до щеки доберется.

— Проклятый край! Ни одной избенки вокруг! — Слышит это мороз да радуется.

Сам тихонечко до ног и до рук добирается, а зазеваается кто — и под шубу залезет.

Заплясали ноги, забегали. А мороз знает дело свое. Примораживает.

И давай плясать войско царское. Пляшет день, другой. С ног все валяются, остановиться не могут. А мороз трещит. Хоть кого в сосульку оборотит, а ветрище трясет беспрестанно всех.

— Пропади ты пропадом, весь безлюдный край! Со своими зверями и птицами. Со своими лесами и реками!

И помчалось войско в обратный путь. Стало тихо в тайге, обрадовался Тарка. Ветру, морозу откланялся и домой пошел.

С той поры много дней прошло, много зим.

Как-то ночью слышит Тарка незнакомый звон. Колокольчики позвякивают и у чума упряжка останавливается. Ввалился в чум чужой человек. И язык чужой — не может Тарка ничего понять. „Соболь, белка, куница“ — только и понял. Тут же принес человеку дорогие меха. Тот сложил их на нарты и уехал дальше в тайгу, бубенцами побрякивает.

Вышел Тарка из чума, да к ветру скорей: узнать, кто такой по тайге разъезжает?

Полетел ветер. Слышит: орет, горланит во все горло Тютюримко-шаман. Рядом с ним на нартах в теплой шубе сидит чужой человек, все про соболя, белку расспрашивает.

— Соболь, белка — полно! Горноста́й — полно! И песец — полно! — кричит Тютюримко-шаман. — Ты, купец, приезжай! Нам побольше таскай воды огненной.

Ветер тут налетел. Опрокинул нарты вверх полозьями.

И мороз успел прискакать. Ну морозить купца. В меховые унты забирается, в совике* гуляет-хозяйничает. У купца от холода глаза выкатываются. Губы синие дрожат, зубы чакают.

— Пропади пропадом и пушнина вся! — взмолился купец обмороженный. — Домой скорей! Погоняй оленей!

И надолго забыли купцы дорогу в эту сторону...

А если и приезжали, то крадучись, чтобы с ветром да морозом не встретиться...

Еще много зим прошло. Лето настало. Ветер в ту пору праздновал: тальники мыл в воде, свою бороду расчесывал, день-деньской впопыхах был и радостях. Песня звонкая до него докатилась. Бросил ветер дело свое, полетел послушать.

Видит: люди идут, смех и радость в глазах. Ветер зашумел, засвистел. Только люди не испугались его, не попрятались. Дальше идут.

Удивился ветер. Кто такие отчаянные? У леса спросил, у рек спросил, у озер спросил. Никто не знает. А когда спросил горы Уральские, засмеялись они, загрохотали, повалили камни в разные стороны.

— Геологи пришли! Люди это бесстрашные! Ничего тебе с ними не сделать.

Полетел ветер к холодному морю. Стал мороз на помощь звать.

— Не могу, — говорит мороз. — Не пришла пора! Лето сейчас. Ты слетай-ка на болота, озера — попроси комаров. Не бывать такому, чтоб не справились!

Поднялось войско комариное. Загудело, запищало, небо тучей заволочло, закрыло.

— Берегись, геолог! — ветер кричит. — Мы еще до мороза тебя выживем!

А у геологов пилы визжат, машины шумят, дома строятся. Смотрит ветер: Тарка тут же ходит, улыбается.

— Ты чего, Тарка, делаешь? — прокричал ему ветер на ухо.

Погрозил охотник ветру, улыбнулся. А геологи дальше идут, песни поют.

За работу принялся ветер. Без умолку шумел, без умолку хлестал много дней подряд. Пока силы его не покинули.

* С о в и к — верхняя длинная меховая одежда шерстью наружу.

Тут комариная туча навалилась. Хоть лопатой гребь, хоть кострами жги это войско иглоносое. Передохнуть нельзя!

Вдруг вздрогнула земля, зашевелилась.

Испугался Тарка, плашмя в лодку пал. Ветер прочь полетел, комарье на болота сдул. А земля снова вздрогнула. К небу огненный столб подбросила. Побежала речка черная да пахучая.

Парни песни поют, радуются.

— И чего орут, окаянные! — ветер думает.

— Ты, Сибирь, Сибирь, наша Родина! — несется вокруг.

Видит — Тарка едет. Санквалтап* везет.

— Ты куда это, Тарка, отправился? — ветер крикнул вслед.

— Я поехал к геологам! — крикнул Тарка.

— Заколдованное, видно, крепко-накрепко это слово. Ничего с ним не поде- лаем, — заныл ветер.

— Быть хозяином ему! — прохрипел мороз.

Ветер долго летал, долго снегом кидал, долго слушал песни добрые да и сам вдруг запел.

Про луга пропел, про леса пропел. Не забыл и про реки великие.

Только лучше других была песня новая, здесь неслышанная.

Про больших людей, молодых парней, озорных, работающих, отчаянных, тех, которых геологами зовут.

* С а н к в а л т а п — мансийский музыкальный инструмент.

ТАНЬЯ-БОГАТЫРЬ

авно примечали пастухи, охранители оленьих стад: есть болота, что и в жгучие морозы не промерзают, дымом курятся.

— Дурной дух из земли идет! Олень морду воротит, — сокрушались они.

А олени сердито били широкими копытами по кочкам, фыркали и бежали прочь из этих мест — вкусный чистый мох искать, который летом пахнет грибами да сочными ягодами — морошкой и клюквой.

— Побежал олень! Видно, земное тепло близко! — говорили пастухи, складывали на нарты свои чумы и шли дальше от этих мест.

Случалось и рыбакам на озерах видеть, как плавали на волнах большие жирные пятна. Кто говорил, что это жирная утка — гагара оставила на воде свой след, а кто толковал, что и сюда земное тепло вылезло.

А охотники, те половчее: найдут где в низине между кочками воду жирную да пахучую — подожгут ее. Вспыхнет пламя, озарит округу, и тепло станет.

С опаской, а все тянулись к теплу: руки-ноги погреть, чаю попить. А за чаем, ясно, и про всякие небылицы лесные рассказывали, про Танью-богатыря вспоминали.

...Давным-давно это случилось. Тогда еще могучая Ась в берега не входила. Вместо озер да болот море-океан на просторе гулял, на месте великанов пихтачей тонехонькие тальники под ветром свистом свистели.

В те давние времена напали на племя Алыч князя богатые. Много дней подряд стрелы летали в воздухе, валили без жалости стариков и детей малых. Храбро дрались воины племени Алыч, да не хватило сил. Одолели их враги. Только птица халей знает, сколько дней стонал от ран Алыч-воин, на помощь звал.

Не хотелось умирать воину. Не хотелось отдавать свои угодыя врагам.

Долго кружила вокруг него птица, махала с утра до ночи крыльями, пока воин Алыч не открыл глаза.

Вокруг тишина стоит. Вся округа смолкла, вымерла. Вдруг в испуге как закричит халей:

— Лах! Лах! Лах!

Вздрыгнул Алыч, хотел приподнять голову — в глазах круги темные вертятся, а халей все кричит, зовет его. Собрал силы Алыч, приподнял голову и видит: по другую сторону реки войско движется. Пал Алыч к земле и простонал шепотом:

— Халей! Халей! — Услышала острокрылая птица, крылья сложив, камнем свалилася. — Лети, халей, на реку, богатыря Танью найди, сюда пошли. По могучей реке лети, ни в одну протоку не сворачивай. Как увидишь косу песчаную, а за ней протоку черемушную — тут и ищи его. У Таньи оленей нет. У Таньи пастбищ нет. У Таньи доброе сердце есть. — И закрыл глаза Алыч.

Тише комара взлетел халей, прижался к реке, крыльями воду режет.

Долго летел вдоль реки могучей, а как увидел косу песчаную, потом протоку черемушную — давай кричать:

— Лах, лах, Танья-богатырь! Лах, лах, Танья-богатырь!

Парит в воздухе, расправив крылья, слышит, как рыба в реке играет, плавниками о воду бьет, слышит, как ветер шумит, а Танью не видит. Дальше полетел халей. Леса дремучие пошли, опять кричит:

— Лах, лах, Танья-богатырь! Лах, лах, где ты, Танья-богатырь?

Обратно к реке могучей вылетел. Веселее по ней лететь. Вдруг грохот с стороне раздался. Вздрыгнул халей, одно, потом другое перо с усталых крыльев на воду упали.

Видит: богатырь по колено в воде стоит, на нем рубаха красная, расшитая, а вокруг пояс широкий с амулетами да табакерками, на голове две тугие косы разноцветными нитками переплетены. Нож большой, охотничий, мешок кожаный со стрелами, лук через плечо перекинут. Стоит богатырь, руками-веслами друг о дружку хлопает. А от этого вокруг грохот стоит страшнее небесного.

Догадался халей, кто это такой, и, закрыв глаза, к Танье полетел. Да не докесли крылья птицу, в полете измученную, пал халей поодаль на гриву песчаную: слышит плеск воды, да голову поднять, крылья расправить сил нет.

— Танья-богатырь! Танья-богатырь! — шепчет халей.

Подошел богатырь, поднял халея, расправил ему крылья, спрятал себе за пазуху.

Скоро теплый дух Таньн оживил халея.

— Зачем в дорогу большую летел? Зачем Танью звал? — спросил богатырь.

— Воин Алыч послал Танью искать, а найти — сказать: пусть вперед ветра летит Танья. Враги на землю пришли.

Выпрямился Танья-богатырь, плечи расправил и говорит:

— Обожди. Силы от родной земли-воды набраться надо.

Пошел к реке Танья, но колено встал и давай воду пить пригоршнями. Пил, пил, пока нярки* на песке не показались. Потом к лесу направился. Схватил сосну под самый комель и на берег с корнем легохонько вышвырнул. Подошел к кедру, потянул да сам по колено увяз, а кедр только ветками помахивает.

Снова вернулся Танья к реке, встал на колено и пил, пока река наполовину меньше не стала.

Полетели тогда на берег кедры, пихтачи и лиственницы, а халей со страху спрятался в тальниках прибрежных.

— Как не увидеть шерсти на оленьих копытах, так врагам земли нашей не видать! — громом прокричал Танья и пал на колени лицом к солнышку, низко земле отца-матери поклонился, горсть ее в лузан** положил, перекинул лук и крикнул халею:

— Не отставай от меня, птица!

И пошел мерить землю Танья шагами-верстами. На широких лугах трава к земле гнулась, тайга расступалась. Ветер крылья свои отдал Танье!

Раз и еще раз солнце пряталось за дремучий лес, а когда покатило в третий раз, услышал Танья знакомый крик птицы.

* Н я р к и — меховая обувь.

** Л у з а н — охотничья сумка.

Остановился Танья. Видит: халей низко у земли летит. Прислушался: стон кругом. „Неужто земля человеком стонет?“ — подумал богатырь.

А стон все громче да громче, прямо за сердце ловит.

Выбежал богатырь на берег и замер на миг. По берегу воины лежат, будто уснули, только черной тучей птицы над ними кружат. Поодаль в логу костры горят, а по могучей реке чужие калданки плавают.

Притаился Танья, ночи скорой дождался да Алыча-воина искать стал. Долго ходил по берегу среди убитых братьев. Снова услышал халея крик. Побежал Танья — да тут и Алыча нашел.

Взглянул Алыч в чистые глаза Тани, вздохнул полной грудью, и слеза теплая по щеке покатила. Взял богатырь эту слезу в ладонь да к реке могучей отпра-вился. Опустил в реку слезу воина — почернела река, волны вздыбила, опрокинула, смыла с берегов все калданки. А Танья тем временем достал из лузана землю родную и на берег кинул. Зашевелились, проснулись, поднялись воины храбрые, схватили луки свои и снова в бой пошли.

Прогремел Танья громким голосом, за-тряслись деревья могучие, с перепугу птицы на разные голоса заорали, тучей в небо взле-тели, солнце закрыли.

Взглянул вдаль Танья, тяжело вздохнул: не видать конца-края войску вражьему.

— Ничего, Танья-богатырь. Веди нас, — проговорил Алыч-воин. — На родной земле и заяц силен.

И пошел Танья на смертный бой. Стрелы тучей в Танью летели, а он от них словно от комариного роя отмахивался. Развернет плечи Танья, только кости хрустнут, и летят тогда враги в разные стороны: кто в реку

летел, кого через лес перекидывал, кого к небу подбрасывал.

Сколько шел тот бой, разве Торум* знает — не запомнить человеку. Перебили врагов. Тихо стало. Приумолкла река, пригорюнился лес. И опять войско спит мертвым сном, теперь уже беспробудным. Не осталось у Тани живительной земли от отца-матери. В этот раз стрела не задела, не ранила.

Видит Алыч-воин: Танья к реке тяжело идет, пошатывается — да и повалился вдруг.

Подбежал к Танье, а у того из глаз свет выкатывается, а из всех ран кровь густая, горячая хлынула. Притащил Алыч воды в пригоршнях — только губы Танье помазал.

Захотел Алыч ближе к реке подтащить богатыря — не может. Давай бегать Алыч от берега к Танье, как горноста, туда-сюда. Одну рану водой зальет, десять других открывается.

Видит Алыч: нет толку от старания его. Сел около Тани, задумался. Птица мест родных не забывает, а человек и по давню. Надо тащить Танью к земле отца-матери.

* Т о р у м — бог.

Нарубил Алыч молодых сосен для ваг, уложил на них Танью и поволок. По лесам волок и лугом, мимо озер и болот. А из ран Таньи кровь ручейками горячими в землю сбегала

Долго вез Алыч Танью, долго плутал по тайге. Обернется, поглядит на Тань'ю и заплачет: Танья-богатырь все меньше и меньше становится. Привез Алыч Танью на родную землю. Открыл Танья глаза, вздохнул всей грудью и исчез, только глубокая яма на этом месте осталась да блеском черным вода на озерах и болотах покрылась вокруг.

Долго думушку думал Алыч-воин, как рассказать людям о Танье-богатыре, о его горячей кровушке, что вся в землю ушла.

— Река сохнет — название остается. Богатырь погибает — имя в народе живет, — говорил всем Алыч.

Не дожил и Алыч-воин, не узнал, что нашли скоро люди земное тепло и горячую кровь Таньи-богатыря нефтью звать стали.

ДОЧЕРИ ОТОРТЕНА

олько ветер знает, да Чистоп-камень помнит про то время, когда в этих местах молодой охотник Отортен жил.

Первым солнце встречал Отортен, первого ветер ласкал Отортена, первым слышал он громкий плач улетающих птиц.

Когда забьют в бубен, позовут на бой — всех туже лук Отортена, всех острее стрела Отортена.

— Ай-я-я! Какой храбрый манси Отортен! — говорили все.

За рога удержит сохатого, из берлоги достанет медведицу, переставит валун с места на место.

— Ой-ой-ой! Какой сильный манси Отортен! — говорили все.

Если лодки нет — по волнам перебежит речку любую или озеро. Не свистел никогда тынзян* попусту, если брал его в руки Отортен.

— Ее-е-е! Ну и ловкий манси Отортен! — говорили все.

По следам запорошенным он обгонит зверя, изловит его. Даже птица с высот не приметит Отортена.

Одиноко жил в тайге Отортен. Мать, отца схоронил, братьев лед утащил, а невеста по сердцу не встретилась.

Знал Отортен свое охотничье дело: с тайгою в дружбе жил, ловушки для зверей мастерил, нарты чинил, чум поправлял, зимнюю одежду п'ил. Надоест это — к реке пойдет. Снасти проверит.

Как-то раз шел Отортен с рыбалки домой, услышал вдруг завывание сердитое.

Оглянулся, видит: ветер летит, треплет ветви деревьев, траву с корнем рвет, прошелся по реке со всей силищей, разлил волны ее в разные стороны.

— Что ты делаешь, ветер Сиверко? — взмолилась река Тосемья и облила ветру бороду косматую. Долго тряс ее ветер, моросил дождем, фыркал талыми снежинками — обиделся.

— Неспроста кружу-у-у! Неспроста иду-у! Океан послал жениха найти своей дочери. Чтобы храбрый был, чтобы сильный был, чтобы ловкий был, чтобы хитрый был.

Приумолкла река Тосемья, волны спрятала.

А ветер кружит, дрожит, как олень на привази, ждет, что скажет река говорливая.

Вдруг всплеснула одна, другая волна. Замутилась река. Ветер тут как тут.

* Тынзян — ременный аркан для ловли оленей.

— Отортен — жених! Лучше не найти! — простонала река. И давай хлестать волны в разные стороны.

— Что ты делаешь? Неразумная! — проревел Сиверко.

А река пенится, волны к берегам летят.

— Подожди! Расскажи! Не расслышал я!

Зажурчала река, почернела. Зашумели, заскрипели камни на дне, заворочались. Застонала река, да вся в камнях и спряталась. Тосемья — сухая река, только имя осталось. Камни голые лежат да пустые берега.

Рассердился ветер, волком воет, ругает себя, что не смог расслышать имя жениха.

Зато слышал все это Отортен. Часто стал приходиться к реке.

Как-то раз пришел Отортен к сухим берегам Тосемьи-реки. Вдруг как все загудит вокруг, затрещит. Облака с землею встретились, закачались деревья, стали землю вершинами бить, и по сухой реке ручеек зазвенел.

Обрадовался Отортен, побежал за ним, а перед ним вдруг появилась девушка. Солнце дало ей жизнь, травы — нежность и стройность, а озера и реки подарили глаза голубые, большие, бездонные!

— Прячься, Отортен! За тобой летит ветер Сиверко, — громко крикнула девушка и исчезла. За ней убежал и ручеек.

— Это ты пришла, Тосемья-река? — крикнул радостно Отортен. — Где ты? Покажись еще! Пойдем в чум ко мне!

Тут буран поднялся невиданный. Хитрый ветер Сиверко в кустах прятался и услышал имя охотника.

— Отортен! Отортен! Отортен! Иди скорей ко мне! Прячься под берег! Я укрою тебя! — слышит Отортен слабый девичий голос.

— Отортен! Отортен! — кричит ветер Сиверко.

А косматые тучи закрыли все, закружили все.

— Не отдам тебя в чужую сторону, — разлилась вдруг, зашумела речка Тосемья, показалась из нее та же девушка, только слезы из глаз ручейками стекали прямо к ногам охотника. — Оставайся со мной, Отортен, храбрый сын народа, сильный сын тайги, ловкий сын лесов! — крикнула Тосемья... И рассеялось, потерялось вдруг облако темное.

А на том месте, где стоял Отортен, очутился вдруг великан-камень.

Тут же Тосемья-река обежала его журча, обласкала водой. Так стоит с тех пор камень Отортен. Снег не тает на вершине его.

Чтоб не грустил Отортен, не печалился, каждую весну ему Тосемья-река по дочери говорливой дарила. Пошумят ручейки и опять убегут — в болота, озера у подножья Отортена спрячутся.

Долго смотрел на них Отортен, любовался. Видел, как год от года ручейки полнели да ширились: то Печора-дочь, то Вишера Отортену-отцу сказки рассказывали, а как весны придут, почернеют они, нахмурятся. Раз в весенний солнечный день замолчала, задумалась Печора-дочь. Долго сказок ждал Отортен, прислушивался. Горсть снега с вершины сбросил, а Печора молчит. Видит Отортен: потемнела, запечалилась и дочь Вишера.

— Ты пусти меня, отец, в сторону! — прокричала Отортену Печора-дочь.

Посуровел Отортен. Сбросил камень один, а за ним другой — заковал берега. Крепко держит дочерей в утесах каменных.

Утки с криком летели, гуси крыльями свистели, над вершиной Отортена разговор вели: „Тяжела дорога. Нет озер! Нет лесов! Пусто-мертво все без воды“. —

И слетели птицы на речную гладь. И давай купаться в Печоре да Вишере. На утесах крутых перья чистили, а в низинах речных гнезда вили да птенцов выводили.

Отортен все молчал. Все думушку думал.

Как-то в талый день заговорил Отортен, обратился к дочерям своим. Испугались они. Притихли, слушают.

— Я открываю вам ходы-выходы. На простор пушу, — прогремел Отортен громовым голосом. — Пусть в водах ваших рыба водится, пусть по глади вашей птицы плавают, по берегам пусть леса растут, волны пусть людям счастье несут!

Заметались, забились реки горные, заискрились струями серебряными и давай песни петь Отортену.

— Расступись, отец! Отпусти, отец! Вечно славить будем тебя, Отортен-отец!

Долго, видно, сил Отортен набирался, тихо поворачивался, раздвигал плечи каменные к стороне, где солнце падает, и отпустил дочерей по широким лугам свои воды нести.

И ушли, укатили в одну сторону обе дочери Отортена.

Он им каждый год свои думы шлет, талым снегом отцовским потчует. С побелевшей головы гонит ручейки. Да не знают про то сестры, что отец-Отортен с другой стороны, что ближе к солнышку, отпустил и меньших дочерей своих — Лозьву с Сосьвою.

Наградил он их водой прозрачной. Каждый камушек в них птицы видят с небес. Облака в этих реках купаются, прихорашиваются, а в награду дал им Отортен рыбку малую посеребренную. Не увидеть такой, не сыскать нигде. Вкусна!

Стоит Отортен, белая шапка на нем, и лузан весь расшит мхом-лишайником. Низко кланяется ему ветер Сиверко, и подножье ласкают дочери, да течет у подножья малый ручеек Тосемьи-реки.

Тот, кто был в тех краях, у камня Отортена стоял, сам, наверное, сказками его заслушивался. Он затянет протяжную песню, то жалобную, будто плач, то веселую, удалую, будто на вершине его праздник празднуют, то такой шум да свист понесется, будто оленья стадо бежит, а впереди его на белой упряжке невесту везут.

Это Отортен разговор с дочерьми ведет, про дела их спрашивает. Недаром в народе его говорящим камнем зовут.

ТРУСЛИВОЕ СЕРДЦЕ

илы у Ювана хоть отбавляй, и зла столько же. Плохо, когда не знает человек, куда силу девать. Потому и не любили его, на праздники никто не приглашал. А он от этого еще злее был. В молодые-то годы, правда, приглашали, да только всегда Юван с кем-нибудь ссорился, в драку лез. Худая молва быстро летит по свету. Вот и перестали его в гости звать.

От обиды такой уехал он далеко, чтобы никого не видеть, никого не встречать.

Жена у него была — Огафьей звали: тихая-тихая, молчаливая. Посмотрит только на нее Юван, а она сразу вся задрожит, как осиновый лист на ветру. Да и олени, и собаки его боялись: каждый на свих боках испытывал его пинки и удары. А если узнавал Юван, что у кого-то праздник, ехал тогда он за далекие версты, брал огненной воды и приезжал домой чуть жив. Все в юрте и вокруг стихнут, кажется, перестают дышать: Огафья, олени, собаки.

Даже деревья, кажется Огафье, не машут свими ветками, а притихли и слушают, как бушует Юван.

Обидит он Огафью и как только уснет, наденет она лыжи да убежит в тайгу к оленям.

Они ласкаются к ней, лижут ее руки, жалеют ее.

Проснется Юван, скучно ему, что никто не слушает его, пойдет, найдет Огафью, растолкает оленей, привезет ее домой да снова побьет.

Плохо живет Огафья. А куда пойдешь? Родных нет у нее, все боятся Ювана. Вот и жила она, слушала ругань да терпела побои. А куда денешься?

Раз ушел Юван на охоту, долго его не было. Огафья взяла чуман* да пошла в лес к зверям. Пойду, думает, попрошу у зверей воды, которую они пьют, может, напившись ее, Юван добрее будет. Долго встречи ждать не пришлось. Видит, лиса хвостом виляет, ушки наострила, обхитрить кого-то хочет. Увидела Огафью — поклонилась низко.

— Лисанька, — говорит Огафья, — дай мне воды твсей, которую пьешь. Может, сердце лучше будет у мсего Ювана.

— Не жаль, Огафьюшка, да только хитрить он перед тобою будет.

— Не беда! Хитрость тоже нужна человеку. Может, зло зато пройдет у него.

— На! — И лиса налила ей воды.

* Ч у м а н — берестяной кузовок, черпак.

Идет дальше Огафья. Смотрит, соболь с дерева на дерево прыгает. Увидел Огафью.

— Зачем пожаловала? — спрашивает.

— Да хочу воды у тебя попросить, которую ты пьешь. Может, Юван добрее будет.

— Стоило идти! Принес бы сам. Да ведь попробует он моей воды, все время будет в работе.

— Вот и хорошо, — говорит Огафья, — работа не портит человека.

Дал ей соболь своей воды.

Идти дальше стало труднее, бурелом кругом, лес все гуще. Слышит Огафья — треск пошел по лесу.

Подходит — медведь! С корнем дерева вырывает — берлогу строит. Увидел Огафью — остановился.

— Какими судьбами?

— Да вот пришла к тебе воды прссить. Ювана своего хсчу напоить, может, зло у него и пройдет.

— Да, зол он у тебя. Только ведь моя вода сделает его еще сильнее.

— А разве не нужна ему сила? — говорит Огафья.

— Да ведь кому как? Кто гордится ею, а кто озорует. На. бери, для тебя мне не жалко!

И медведь налил Огафье в чуман свсей воды.

Долго шла по лесу Огафья, пока встретила лосиху. Мычит лссиха, бегаёт беспокойно, плачет.

— Горе у тебя какое-то? — спрашивает Огафья.

— Ох, горе! Горе! Лссенка потеряла. А ты что здесь делаешь?

— Да не вовремя, видно, я пришла. Хотела воды попросить для Ювана. Может, не такой злой будет.

— Не жалко, Огафьюшка, да сердце очень мягкое у него будет. Жалости много будет. Добрый станет. А разве мужику таким надо быть?

— Да этого у Ювана и в помине нет! — наверное, впервые за всю свою жизнь улыбнулась Огафья. — Без добра плохо жить человеку. Только куда ты мне ее нальешь? Чуман у меня один. Тут и лисья вода, и соболья, и медвежья.

Думала, думала Огафья, да так все вместе и слила в один чуман. Поблагодарила она лосиху и отправилась домой.

Только стала подходить к юрте, видит — белки в разные стороны по деревьям несутся, соболь мечется.

Догадалась Огафья — Юван идет. Села за куст и сидит, ждет, что будет. Как и прежде, закричал Юван на Огафью, а она прижалась и сидит ни жива ни мертва.

Покричал, покричал он и ушел. Видно, устал очень. Спагь лег. Вошла Огафья тихо в юрту. Поставила чуман со звериной водой, и не успела она опомниться, как проснулся Юван, да как крикнет, и не стало вдруг Огафьи, а зайчиха большая сидит под столом и дрожит вся. Глазам своим не верит Юван: Огафья тут стояла, и нет ее. Куда делась? Схватил он сгоряча чуман с водой и выпил всю. И тише вдруг стал.

— Огафьюшка, — крикнул. — Иди сюда, Огафьюшка! — А Огафьи нигде нет. Сидит только под столом зайчиха да лапками слезы вытирает. Взял ее на ру-

ки Юван, начал гладить. Догадался он, что Огафья это от страха в зайчиху превратилась. И всего боится зайчиха: шороха в лесу, крика зверей, лая собак.

Трудно одному стало жить Ювану, да что поделаешь? Сам виноват. Собак стал сам кормить, оленей пасти. Помогла ему звериная вода.

Только с тех пор манси никогда не бьют зайцев: не хотят, чтобы у них было трусливое сердце.

Тайга принимает только отважных.

ТИМКА-ПАУЛЬ

сего было в достатке в отцовской юрте Тимки. Богато жил отец. Много оленей пригнал с гор, много зверя убил. Все есть у Тимки, да только невесты нет. Никого Тимке не надо, кроме одной русской девушки. Много за это время приезжало гостей к отцу, и отец с Тимкой ездили на все праздники, но никого краше не приметил Тимка.

Уже три раза болота замерзали и оттаивали, три раза осыпался лист с деревьев с тех пор, как Тимка с отцом был в русском селе и видел эту девушку. Когда уезжал Тимка обратно в тайгу, она

сказала, что ждать его будет. Да уж очень сердит отец Тимки. Не надо отцу в юрту русскую девушку.

— Плохая мать будет русская девушка. Оленя поймать не может. Нярки, унты*, совики сшить не сумеет. Плохая жена будет русская девушка. Пропадет с нею Тимка. Разве такая жена нужна парню манси? — говорит отец.

Но Тимка слушать его не хочет. Ничего ему не мило! На охоту стал ходить редко. Собаки к юрте зверя пригонят, а он и стрелять не хочет.

Думал отец, что пройдет это у парня, да смотрит — нет! Тоскует сын сильно. Совсем перестал спать.

„Что делать? — в отчаянии думал старик. — Худой дух поселился в Тимке, не дает ему спокойно жить“.

— Лечить надо, — говорит старуха Самбиндалиха.

Долго думал отец и решил ехать далеко к горам, где жил старый шаман. Может, он поможет вылечить Тимку.

Полстада оленей отдал шаману отец. Тот велел приехать с Тимкой. Приехали. Закрыл скна шаман, каждую щелочку прикрыл, чтобы свет не проник в юрту, затопил жарко чувал**, надел на себя украшения, взял бубен и стал кричать да созывать всех шайтанов.

Долго молился шаман, долго созывал помощников своих, советовался с ними, а потом как брызнет на Тимку водой. Тимка вскочил, оттолкнул шамана в сторону, прыгнул на упряжку и домой поехал. Обидно Тимке, что не в свои дела шаман лезет.

Шаман рассердится не на шутку. Долго молчал, а когда отец стал собираться домой, сказал ему, что сам видел, как злой дух выскочил из Тимки. Спокойно теперь будет жить парень. Все забудет!

Обрадовался отец. Благодарил шамана, угощал.

* У н т ы — меховые сапоги.

** Ч у в а л — очаг, огнище.

— Один сын! Все ему останется! Мало мне жить осталось. Счастья сыну хочу. Прошло лето. Подули ветры, унесли опавшие листья в лога.

Дни стали короче, пошли дожди, а Тимка совсем перестал разговаривать. Возьмет отец свою санголу *, думает песней развлечь Тимку, но тот сразу выходит из юрты.

Только прошел первый снег, запряг Тимка оленей и уехал.

Ждет, ждет отец — нет парня! Куда девался? Неужели не придет больше в родную юрту? Нет, не смог старый шаман помочь горю старика. Захворал старик. Горе не дает ему жить. Какая беда с Тимкой? Почему оставил сын его одного? Что сделала с Тимкой русская девушка?

Снова поехал старик к шаману. Сердито встретил старика шаман и сказал:

— Шайтаны мои сказали, что злой дух живет в твоей юрте. Если ты сожжешь свою юрту, тогда уйдет беда из твоего дома.

Всю дорогу, пока ехал назад, старик плакал. Вот и родная юрта. Много лет прожил он в ней. Каждый уголок, каждый сучок дорог старику. Неужели правду говорит шаман? Несколько раз обошел старик юрту. Посидел на пороге. Встал. Снова обошел и низко поклонился каждому углу.

Принес бересты, уложил все это посередине юрты, положил сухие дрова и... поджег!

Больно смотреть старику, как огонь охватил все, затрещали, рухнули сухие бревна, и юрты как не бывало.

Сидит обессиленный от горя старик на пеньке и вдруг слышит звуки бубенцов. Олени едут, гостей встречать надо. „Какие гости? — в страхе думает старик. — Что я им скажу?“

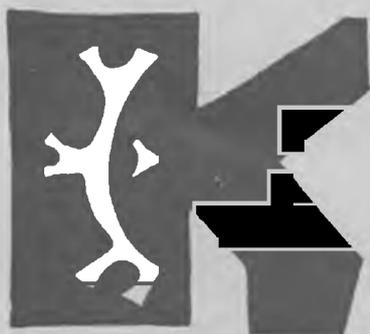
Из-за поворота выбежала упряжка оленей. С нарт соскочил Тимка и, счастливый, подвел к отцу русскую девушку. Удивился и испугался старик. Что теперь делать? И пригласить гостей некуда. Все сжег! А Тимке и горя мало. Откуда только сила взялась? Дивится старик, видит, как у Тимки в руках все спорится. Скоро Тимка и юрту новую срубил. Сколько счастья пришло в нее!

Так и осталось то место в тайге, где счастливо прожили свою жизнь Тимка с русской девушкой, и зовется оно Тимка-пауль**.

* С а н г о л а — музыкальный инструмент.

** Па у л ь — селение.

АГРЫЧ

ак узнали манси, что живут рядом хорошие и добрые соседи — навещать их стали. Сначала поодиночке ездили на оленях, а потом и целыми стойбищами. Соберутся со всех дальних юрт, разукрасят нарты свои, разукрасят оленей ремнями разноцветными да звонкими разноголосыми колокольчиками. Сами оденутся в новые совики, унты. Женщины наденут разноцветные, обшитые широкой каймой платки. Заплетут в тяжелые косы всякие украшения: бусы, монеты, пуговицы. Детей посадят в берестяной тотап*, укроют тепло шкурами, привяжут к нартам крепкими рем-

нями и — готовы в гости ехать.

Выстроятся олени упряжки в ряд, что конца и краю не видать. Нагрузятся мясом, шкурами, птицей да рыбой, нярками, унтами и поедут в русское селение.

Русские встречали приветливо. Любовались оленями, покупали, меняли товары. Так было и в этот день. Только старый Григорий отстал от своего ряда, загулял где-то. Да какая беда? Разве страшно Григорию? В лесу он как дома. Ждать его некому.

Давно-давно живет Григорий один. Все есть у него — только душа пуста. Детей нет у Григория. Была жена. Умерла, наверное, тоже с тоски.

Как стали заниматься звезды на небе, поехал Григорий домой. Ночь светлая. Олени сыты. Дорога болотом идет. Днем на солнце верхушки кочек стали оттаивать, но проехать еще можно.

Смотрел, смотрел на небо Григорий, засыпать стал и, чтобы веселее было, затянул свою песню о том, что знает он все лужайки и полянки, знает, сколько сучьев на сосне.

Колокольчики раскатисто позванивают, да показалось Григорию, ровно чей-то плач слышится. Остановился он — тихо. Только тронулись олени, опять такой же плач. Встал Григорий с нарт, поправил ремни, осмотрел полозья... Тихо... Только сел, дернули олени — опять плач. Достал Григорий из табакерки маленького идола, помолился ему и пошел в ту сторону, откуда плач доносился. Идет, смотрит, никаких следов нет. Решил Григорий обратно идти, а рядом, совсем рядом, снова плач. Смотрит: прижавшись к стволу дерева, между двумя кочками ребенок лежит. Годика два ребенку будет. Смотрит на Григория, ручонки тянет, помощи просит.

— Ох, грех какой! Беда какая! — бормочет Григорий.

Взял он ребенка, а тот прижался к нему, прильнул и уснул, пока Григорий шел к упряжке. И тепло стало сразу Григорию.

* Тотап — ящик.

„Куда ехать теперь? Что людям сказать? Где ребенка взял?“ — рассуждал про себя Григорий. Завернул он ребенка в теплый совик и вернулся обратно в русское село. Может, услышит, если у кого потерялся. А ребенок молчит, будто все понимает, и не плачет совсем.

Жил там Григорий три дня. Вечером домой собираться стал. Теплее укутал свою находку и поехал в юрту. Приехал домой, развернул совик, да ведь это Агрыч — белолицая черноглазая девочка.

Дни шли за днями, старый Григорий так привык к Агрыч, что и дня прожить без нее не мог. Время шло, и в глуши лесов Агрыч расцвела, как на солнце подснежник. Славная росла девушка, да на душе у Григория забота стала. Не понравился ему вчера след Кривой Ноги. Проходил кто-то недалеко от юрты, а не зашел. „Зачем так делал? Что надо?“ Задумался Григорий, и не напрасно. Проснулся как-то утром, а Агрыч нет. Сразу сердце заболело. Кричать стал Григорий, звать, плакать. Где только не искал, все кругом тысячу раз обошел. „Как жить без Агрыч? Ай-ай! Беда какая!“

А Агрыч ночью утащили слуги лесного царя. И сколько она ни кричала, сколько ни звала на помощь старого Григория — все напрасно. И не знала Агрыч, куда тащат ее. Куда ни посмотрит, все лес, лес и лес мелькает, да и кто несет ее, тоже не видела. И чем дальше несли ее, тем темнее становилось. Верхушки деревьев в небо уходят. Глухота, тихо...

Слышит Агрыч: кто-то подходит к ней сзади и берет ее на руки. Закрывает она глаза от страха, а когда открыла, то больно глазам стало от света. Лежит она на красивом ковре из цветов разных: лесных ландышей да фиалок, марьяна корня да иван-чая.

И такой аромат от них, что голова кружится. И куда ни посмотрит Агрыч, нет края цветному полю-ковру. Птицы с ветки на ветку перелетают, щебечут, воркуют что-то, а вокруг никого нет. Встала Агрыч, а цветы все перед ней к земле наклонились, как пройдет — цветут пуще прежнего.

Слышит Агрыч слова ласковые:

— Подойди, красавица, не страшись.

Видит Агрыч, дерево высокое к ней клонится. Испугалась она, еле на ногах стоит. А дерево и говорит:

— Не бойся, Агрыч, послушай меня. Суждено тебе жить здесь, у нас. Быть женой внука моего меньшего. Привыкнешь, неплохо тебе у нас будет. Много лет мы ждали тебя, караулили. Теперь не отпустим! — Закряхтело старое дерево, замахало ветвями, словно призывая кого-то. Видит Агрыч — зашагали деревья вокруг, все ближе и ближе к ней подходят, а одно корявое да изогнутое впереди всех вышагивает. Смотрит тут Агрыч, что раздвинулся ствол дерева, словно двери открылись:

— Заходи, Агрыч, это и будет дом твой.

Испугалась Агрыч, заплакала.

А рядом на дереве все белочка прыгает. Позвала ее Агрыч и попросила отгрызть кончик косы и отнести ее Григорию, чтобы знал он, что жива Агрыч и думает о нем. Белочка вмиг перегрызла толстую косу и потащила ее в юрту старого Григория. А Агрыч не хочет идти в двери корявого дерева. Агрыч простор любит! Агрыч ветер любит! Агрыч домой хочет!

Говорит старик лесной царь:

— Ты — лесная девка! Нет у тебя ни отца, ни матери! Ты в лесу жить должна!

И деревья опять зашумели замахали ветвями.

Попросила тогда Агрыч пустить ее ненадолго к Григорию, чтобы успокоить его. Отпустили, только стражу крепкую приставили. Бежит Агрыч, ног под собой не чувствует.

Увидела Григория, как начала плакать, слова сказать не может, а сама от такого плача все меньше и меньше становится, и на глазах Григория в маленькую птичку-кукушку превратилась. Вспорхнула, села на плечо Григория и закуковала. Облетела вокруг юрты и снова закуковала.

Ждет-пождет лесной царь Агрыч, а ее все нет и нет. Прибежали слуги и сказали, что птичкой Агрыч стала, и еще сказали, что когда кукушка куковать перестанет, тогда и придет к ним Агрыч. Ждут, ждут деревья, а кукушка перестанет куковать да снова начнет. Так и конца не видать.

И летает с той поры по тайге птица кукушка. По прежней жизни тоскует и гнездышка своего не вьет. Кукует все.

ГОРДАЯ ЛИСА

остроил как-то в лесу охотник чемью*, потому что время было осеннее, пора было думать о том, чтобы сделать припасы на зиму. Тут же случилось и уток ему набить, а куда понесешь большую котомку? Вот он и сложил все в чемью. Приходит на другой день, смотрит: ни одной утки нет.

— Ай, беда какая! — говорит охотник. Пригляделся — лиса была. — Вот разбойница эта лиса! Поймать ее надо. Ноги короче сделать. Везде лезет.

А лиса выскочила из-за пригорка, да и дразнит охотника.

— Плохо тебе будет, лиса! — говорит он. — Поймаю, ноги резать буду. Зачем чужих уток взяла?

А лиса скалит зубы:

— Не поймать тебе меня! — говорит.

Подразнила она охотника и пошла искать жирную уточку, которая ей сегодня во сне приснилась. „Отведаю свеженькую, не то что у охотника в чемье...“

Шла она тихо, про себя напевала хвастливую песенку. Вот и озеро показалось, и утка плавает около самого берега. Стала лиса подкрадываться: лапки длинные да цепкие вытянула, ползет на животе, чтобы уточка ее не заметила, а сама глаз с добычи не сводит. Ползет от куста к кусту, от пенька к пеньку. Так загляделась на утку, что не заметила, как угадала в петлю, поставленную охотником. Как закричит, как забарахтается лиса, про всякую осторожность забыла. Услышала ее утка, вспорхнула и улетела. Совсем обозлилась лиса. Дергается, кусает петлю, а лапу вытащить не может. Пуще всего досадно ей, что не пришлось уточки отведать свежей. Успокаивает себя лиса: „Что ж, пусть летит, не очень-то и жирная была. Вот выташу лапу, лучше найду“.

Вдруг слышит лиса шорох в кустах. Присела. Ждет. Бежит зайчик. Увидел лису в петле, удивился:

— Как это, лисонька, случилось с тобой? — спрашивает зайчик. — Дай я покажу тебе, как петли распутывать надо. Много раз я бывал в них, знаю, что делать.

А лиса гордая была. Не хотелось ей зайцу признаться в своей оплошности. Она и говорит:

— Что ты, зайчика, да это я сама лапу в петлю засунула, чтобы знать, как зайцев из беды выручать.

— А-а! — сказал зайчик. — Ну, поучись. — И поскакал дальше.

* Ч е м ь я — сруб-кладовая для хранения припасов и добычи в лесу, часто на сваях.

Прыгает лиса из стороны в сторону, зубами грызет петлю. Пот градом бежит с нее, а лапу высвободить не может. Вдруг слышит — сучья трещат. Смотрит — волк бежит. Удивился волк, что лиса в петле сидит. Глазам своим не верит.

— Ты ли это, сестрица, в такую беду попала? Умаялась вся, обессилела. Дай я тебе помогу, покажу, как петли перемозоливать надо. Бывало и со мной такое.

А лиса гордая была. стыдно ей признаться волку в беде, она и говорит:

— Иди, серый, по своим делам да не вздумай кого насмешить, что я в петле сижу. Все равно никто не поверит. Это я сама сделала, чтобы знать, как несчастных из беды выручать.

— Ну, ладно! — сказал волк и убежал...

Уж и солнце закатилось, а лиса все из сил выбивается, язык высунула, лежит чуть жива. Вдруг слышит: шум по лесу. Бежит медведь.

— Ой, батюшки! Вот невидаль-то какая! Да ты чуть жива, лисонька. Дай я разорву петлю. Силы у меня хватит!

А лиса чуть жива, да горда.

— Спасибо, мишенька, за услуги твои! Все это я сама придумала. Захотелось научиться из петли вылезать. Вот выучусь этому ремеслу и других обучать стану.

— Смела ты, сестричка. Шутейно ли дело — в петли залезать. А я-то думал, что беда с тобой стряслась. Ну, как знаешь! — И, треща сучьями, пошел медведь дальше.

Как ушел медведь, давай лиса плакать. Слезы вытирает, жалеет, что от помощи отказалась.

Вот уже солнце спряталось за горы, и слышит тут она свист в лесу, собачье тьяканье. Душа у нее в пятки ушла. Стала лиса кричать:

— Зайчика, миленький, помоги мне!

Нет зайца.

— Серый волк, сильный волк, помоги мне!

Нет волка.

— Мишенька, ты недалеко ушел, приди, помоги мне!

Нет медведя косолапого.

Сидит лиса ни жива ни мертва, а охотник уж близко.

Стала ругать себя лиса, что от помощи отказалась, что горда слишком. Да поздно уж. Подошел охотник.

— А-а, — говорит. — Старая знакомая попалась. Ловко я тебя обманул.

А лиса зубы оскалила, вот-вот укусит охотника. Да разве побоится он ее.

— Не убью я тебя, рыжая, не бойся, а вот ноги окоротить придется, чтобы по деревьям не лазила, гнезд чужих не разоряла, в чемью не забиралась, чужие припасы не трогала.

Взял он да и окоротил ноги-то ей наполовину. Вот она и начала с тех пор хвостом след замечать.

ОГОНЬ-КАМЕНЬ

ыло как-то раз, что снег долго не падал. Заждались все. На зверях шкурки поспели, охотники уже наготове, истосковались за лето по охоте, а снега все нет. Сушь стоит в тайге. Бывают у нас такие осени, только очень редко. Все насторожилось в ожидании северного ветерка, а с ним и снега. А когда подул долгожданный северный ветер, приключилась в тайге беда.

Остался в юрте мальчик один. Самбиндалом звали его. Захотелось ему огнем поиграть. Слышал Самбиндал, что нельзя огнем играть, слышал, что

тайга разгневается и сделает озорника камешком маленьким. Да уж больно хотелось Самбиндалу посмотреть, как огонь будет играть с деревом. Достал Самбиндал огонь и бросил на шкуру оленью. Затрещали, вспыхнули ворсинки. Встал Самбиндал на шкуру ногой — нет огня. Вышел Самбиндал из юрты, бросил огонь на траву — нет огня. Собрал он в кучу сухие листья и бросил на них огонь. Огонь быстро побежал по листьям, от листочка к листочку. Самбиндал как падет всем телом на огонь, огонь и потух. Вскочил Самбиндал. Весь в саже, а весело, смешно ему. „Бойтся меня огонь! — думает Самбиндал. — Ладно, — думает он, — посмотрю еще, как огонь играет“. Поднес он огонь к сухому листку на дереве, а тот будто того и ждал. Побежал по веточке, вмиг перемахнул на другое дерево, опалил там каждый листок и на третье. Самбиндал глазам своим не верит.

— Огонь! Огонь! — кричит Самбиндал. — Иди в юрту, огонь!

А огонь будто дразнит его, кружит вокруг, машет красными языками. И что только ни делал Самбиндал: кричал, прыгал, бил ветками, хотел схватить огонь, — да нет.

Вдруг все окуталось густым черным дымом. Загорелся лес, а в каждой юрте погас чувал.

Самбиндал бросился догонять огонь.

Ветер легко перебрасывает искры с одного дерева на другое. Могучие деревья, охваченные пламенем, рушатся. Зверь опретью несется не зная куда.

Измученный Самбиндал уже много дней бежал за огнем, пытаясь поймать его. И вот он выбежал к реке. Что тут было! Все звери жались к реке, лезли в воду. Птицы с криком летали, касаясь легкими крыльями горячей воды. Общее горе сблизило всех. Зайчик прижался к лисе, старая волчиха держала в лапах испугавшегося соболя, росомача прятала от пламени белочку, а медведь просил лося выйти из воды и освободить место уткам.

И тут все увидели Самбиндала.

Многие звери зарычали, оскалили зубы, готовые разорвать мальчика. Да в спор вмешался медведь:

— Надо, — говорит, — помочь парню огонь поймать. Он тоже измучился. Простить можно. Мал еще.

Медведь взялся сам помочь Самбиндалу. Забрался Самбиндал на медвежью спину, крепко ухватился за уши. Медведь в те времена быстро бегал, любого обогнать мог, это он потом лениться стал, потому что устал тогда очень.

Несет медведь Самбиндала во весь дух. Вот-вот схватит парень самый большой язык огня, спрячет его, да и все тут. Но не так-то легко это сделать. Рванулся огонь и опять зашагал по верхушкам. Деревья обгорелые валились одно на другое. Опалил о них бока медведь, с тех пор он бурым стал.

Видит Самбиндал, устал медведь, слез с него, похлопал по бокам да по шерсти обгорелой и отпустил. Огонь пляшет прямо над головой, то лизнет волосы Самбиндалу — они затрещат, вспыхнут, то к ногам совсем опустится. Заплакал опять Самбиндал — в юрту бы вернуться, да нельзя без огня.

Вдруг что-то холодное к руке прикоснулось. Оглянулся он и видит: соболю вертится у ног.

— Садись, — говорит, — псбежим догонять огонь.

Сел Самбиндал на соболя. Метровыми прыжками летел соболю. Видит огонь, что догонит его Самбиндал. Вот он и завертелся во все стороны: и на дерево, и на кусты бросится, и на землю спустится, по траве побежит. А кругом горы Уральские пошли. Боится огонь камня. Самбиндал руками бьет, сбивает пламя, не пускает его в тайгу. Гонит пламя в горы Самбиндал.

Кончился лес, кустарник пошел. Огонь налетел на кусты, коробит, чернит их, а Самбиндал уж тут. Совсем схватил было огонь. Ай! — огонь уже опять прыг, да и в гору.

Самбиндал только того и ждал. Мечется пламя-огонь по холодным скользким стенам горы, лижет скалы своими желтыми, синими языками, да камни-то от его злости только поблескивают. Тут уж Самбиндал не оплошал. Схватил огонь — и в тот-ящик. Обрадовался, хотел домой бежать, да нет — ноги тяжелые стали, крикнуть хотел — да голос пропал. Стал чернеть Самбиндал и превратился в огонь-камень. И сразу же в каждой юрте зажегся чувал. А огонь-камень тот расти и расти начал, да такой большой стал, что с его вершины весь Урал как на ладони виден. Этот камень, говорят, всю тайгу от огня бережет.

Жаль Самбиндала, да что сделаешь? Неслух был. Так теперь и говорят в тайге: „Огонь — друг, огонь — враг!“ Все, кто огонь по земле пускать будет, все камнем станут, камнем маленьким, незаметным. Самбиндал — большой камень. Самбиндал огонь людям сумел вернуть.

ПЯТАШНОЕ ОЗЕРО

была у шамана когда-то злая жена, жадная да скупая. Сама по юртам разъезжала, дары собирала — все сама. Ее, сказывают, и шаман побаивался.

Да вдруг не стало ее.

Что с ней случилось, так никто и не знал. Один олень к своему стаду прибежал, а остальную упряжку с хозяйкой не дождались.

Поискал шаман жену, поискал, да скоро и забыл. Спокойнее стало без нее.

А с Анной (так звали жену шамана) вот что случилось.

Запрягла она самых сильных оленей и поехала на ночь глядя дары собирать. Проездила из юрты в юрту всю ночь, а к утру направилась домой. Начинался рассвет. Большой шар огненно-красного солнца выплыл из-за леса. В студеном воздухе солнце словно замерло и совсем не грело землю, только освещало ее. Олени, закинув головы, неслись во весь мах по большому озеру. Вдруг что-то треснуло, и не успела Анна крикнуть, как перед ней оказалась огромная полынья и вся упряжка, кроме вожака, вместе с нартой ухнула под лед.

Злая Анна оказалась в воде. Вокруг нее кипело множество мелкой рыбешки. Анна чувствовала, что под нею движется и несет ее вперед что-то живое. Над головой был толстый слой льда. Мелькали, уплывая назад, водоросли. Рыбы, не отставая, сопровождали Анну.

Вдруг все остановилось, живая опора под ногами исчезла и Анна провалилась куда-то. От страха она зажмурила глаза, а когда насмелилась открыть их, то увидела такое множество рыб, что через эту живую стену не видно было воды.

„Какое богатое озеро! Мне бы все это“, — подумала Анна. И тут же услышала: — Не горюй, будет у тебя рыба! Не рада будешь этому богатству!

Анна оглянулась. Перед ней, разевая огромную пасть, колыхалась незнакомая, не виданная в этих местах рыбина. Ее чешую покрывал мох, огромные плавники чуть шевелились, но от их легкого движения шли волны. На голове переливалась, блестела корона, затейливо украшенная озерными ракушками.

Увидев старую рыбину, остальные рыбы сложили свои плавники, притихли. Она же, окинув всех выпуклыми глазами, плеснула хвостом, и вмиг волны, обгоняя одна другую, поплыли от нее. Вместе с волнами исчезли все рыбки, словно их здесь и не было. Один маленький карасик только остался, заплутавшись в водорослях.

— Долго я ждала тебя, — широко разевая рот, говорила огромная рыба. — Долго, ох как долго! Мхом вся обросла, а ты все не шла, ай-ай!..

— Что ты хочешь, старая рыба, со мной сделать? — чуть слышно спросила Анна.
— Ты злая и жадная. Ты много добра хотела иметь, вот и бери всю рыбу, сколько ее водится в этом озере.

— Не надо мне рыбы! — сквозь слезы проговорила испуганная Анна.

— Поздно уж теперь! Жить здесь будешь до тех пор, пока шаман не бросит в озеро медный кружок — пятак называется. Если он не пожадничает и если ты найдешь пятак в этом озере, быть и тебе счастливой, такой же, как я сегодня. Живи смиренно и тихо, полюбят тебя рыбы — помогут медный кружок найти, а нет — так навсегда здесь останешься.

Не успела Анна опомниться, как рыба набросила ей на голову свою разукрашенную корону, и Анна сразу же превратилась в полосатую большую щуку, а говорящая рыба исчезла.

С корсной на голове жадная Анна-щука отправилась осматривать озеро. Вся мелкая рыбешка поднялась ей навстречу. Не удержалась Анна-щука, схватила первую же попавшуюся рыбку, проглотила и дальше поплыла.

Худая слава наперед летит, и чем дальше плыла Анна-щука, тем меньше попадалось на пути ее рыбы — все попрятались кто куда.

Рассердившись, Анна стала хватать первого встречного: и большую рыбку, и малую, и карася, и пескаря, и даже лягушек.

„Какая жадная и прожорливая щука!“ — удивлялись рыбы, а больше всех возмущался маленький карась.

Не стало покоя в озере. Собирались рыбы косяками, и каждая жаловалась на свою судьбу. У кого щука малыша съела, у кого мать, у кого отца.

Что делать? Как избавиться от жадной Анны? Как вернуть спокойствие озеру?

Тут маленький карась сообщил всем рыбам новость. Он слышал разговор старой рыбы с жадной Анной и сказал, что, если они найдут в озере медный кружок, который бросит шаман, щука уйдет из озера.

Каждую весну, когда появляются проталины, приходят манси к озерам и одаривают их, одаривают реки, одаривают леса и поляны: за рыбу в воде, за зверя в лесу, за ягоды и мхи. И вот все рыбы в озере по весне стали караулить дары, чтобы побыстрее найти заветный кружок, но как назло его не было.

А озеро беднеть стало. Почти всю рыбу жадная щука переела. Смотрит она, как мужики пустые мережи вытаскивают, и радуется.

Остались только одни караси, которые в илистое дно прятаться могут. Тут и щуке скучновато стало. Вспомнила она тогда про медный кружок и решила созвать всех рыб. Да кого созовешь? Карасей одних? Они ее не очень-то и боятся: спрятавшись в иле, посиживают, червячков поедают, на щуку внимания не обращают, на глаза ей не попадают.

Шло время. Стала щука мхом обрастать, неповоротлива стала: видно, старость приходит, а медный кружок никто не несет. Все-таки уговорила щука карасей приплыть к ней.

— Если принесете мне медный кружок, который бросит в озеро шаман, обещаю никого не трогать, — объявила.

Призадумались караси, а маленький выскочил вперед, запищал отчаянно:

— Зачем ей теперь пятак отдавать? Пусть век живет в бедном озере. Сама его таким сделала, — и скорее шмыг за большой щучий хвост, чтобы не оказаться в зубастой пасти...

„Кто разгневал озеро? Куда делась вся рыба?“ — удивлялись люди.

Пришли они к шаману просить, чтобы он сам одарил озеро. Может быть, рыбы больше станет. Плохо людям без рыбы. Голодно. И опять весной людские дары приняло озеро.

Выбрался из ила маленький карась, смотрит: что-то круглое, быстро переворачиваясь, летит ко дну. Карась широко раскрыл рот и проглотил блестящий кружочек.

Это и был медный пятак, который так долго ждала жадная Анна-щука.

Нашелся кто-то в озере и сказал щуке о проделке карася.

Щука так рассердилась, что крупные чешуйки посыпались с ее большого полосатого тела.

— Найти его! Найти его! — кричала она.

А маленький карась зарылся глубоко в ил и лежит, не дышит.

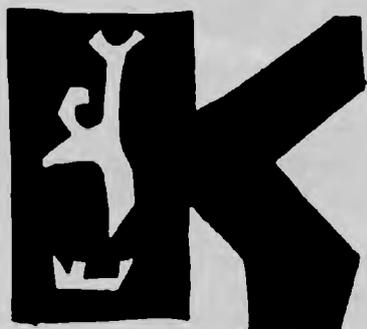
Долго искали хитреца, да так и не нашли.

Сказывают, что маленький карась и теперь в этом озере живет.

Еще, сказывают, видят иногда в озере щуку огромную, поросшую мхом да илом, только при виде ее уплывают рыбацкие лодки подальше. Так, видно, и осталась в озере злая Анна-щука. А озеро с тех пор Круглым или Пяташным называют.

Кто знает, верно ли это все, только так люди говорят. Зря говорить не станут.

ДОБРЫЙ БАХТИАР

огда-то прогнал шаман одного мальчика, Бахтиаром его звали, навсегда из здешних мест. Невзлюбил шаман Бахтиара за то, что тот не боялся его. Шла молва, что Бахтиар мог один с двумя медведями в единоборство вступить и победить их, дерево любое без труда с корнем вырвать. А велик ли еще был! Боялся его шаман, вог и прогнал, велел идти куда глаза глядят.

Ушел Бахтиар, и видели его с тех пор в этих местах только один раз. И всегда, когда заходят разговоры у молодых охотников про Бахтиара, ста-

рики только руками машут: дескать, замолчите, раз ничего не знаете. Вот эти-то горы, что упираются теперь вершинами в небо наш Бахтиар поставил. Он тогда помирил двух шаманов, которые долгое время спорили и воевали друг с другом.

А спор у шаманов вышел из-за пустяка...

Бывало, только выпадет снег, наденет охотник свои лыжи, возьмет с собой собаку да и уйдет на целую зиму в тайгу.

Сколько им исхожено, сколько изброжено — кто знает, кто сосчитает?

А в тайге и законы свои, и правила. Ходят охотники по лесу, промышляют зверя. Где застанет ночь, там и ночуют. Сначала-то все в снегу спали, как птицы, потом ночью ладить стали, это когда огонь появился, а позднее юрты ставить начали. Как зайдешь в юрту, а там все приготовлено: и валежник сухой около чувала, и мясо лежит, и стрелы оставлены. Ночуешь, и сам оставляй другому так же, чтобы было чем обогреться. А чтобы кому чужую ловушку обобратить или там капкан, так это большим позором считалось.

С давних пор пошли такие порядки в тайге да и до сих пор сохранились.

Ну да только в семье не без урода. Вот один охотник, Григорием звали, как-то соболя уследил. Гонялся за ним дня три, а изловить не мог. Известно, задор взял охотника. А зверь, видно, старый, бывалый, не поддается охотничьим уловкам. До того бегал за соболем Григорий, что счет дням потерял. Замечать стал, что далеко от своих мест ушел, очень далеко! И вдруг следов соболя не стало. „Вот беда какая!“ — думает Григорий. Все обошел кругом — нет следов. Постучал по сухаре, не спрятался ли зверек в дупло. Нет! Срубил это дерево. Сел и сидит опечаленный: „Как далеко ушел. Сколько дней потерял!“ Положил последний табак за губу и пошел обратно.

Пригляделся хорошенько, все тропы ведут в одну сторону. Смотрит — по всем деревьям шкур навешано располным-полно. Догадался Григорий, что это Молебенкамень. Обошел вокруг — нет ни души. А шкурки на ветру так и колышутся, так и просятся в руки, так и манят.

„Пошто меха висят? — думает Григорий. — Или не успел шаман забрать их, или честным стал?“ Мучают эти шкурки Григория, покоя ему не дают. Уйдет, далеко уйдет, но словно кто-то зовет его обратно.

Решил взять он шкурки. Успокаивает себя: „Не беда, возьму, отнесу нашему шаману, покаюсь в грехах, и мне, может, даст“.

Дождался Григорий ночи. Осмотрелся, вздохнул тяжело и пошел снимать дары. Руки тряслись, жалобно скулила собака, каждая шкурка ровно ожила и царапала его руки. Быстро наложил он полный охотничий лузан, крошни и бегом побежал от страшного места.

Думал Григорий, что все обойдется. Съездил к своему шаману, отдал ему половину шкурок и вернулся в юрту. Да вдруг такой шум учинился, какого никогда в тех краях не было.

Чужой шаман, видно, поехал дары собирать, а их нет. Заорал шаман на всю тайгу, собрал охотников, дрожит весь от злости. Ведь еще и людям показать надо, что он честный, что Молебен-камень воры обирают, а на него, шамана, сваливают.

Ну, охотники сразу следы искать, а кто сравнится с манси по следопытству? Они и через месяц после метели да снегопада найдут и узнают, кто где был и когда...

Григорий хоть и принес домой пушнину богатую, никому ее не показывал, спрятал под глубокий выскирь*, да и сам боялся к нему подходить. Мучила его совесть, не давала покоя.

Вдруг к юрте Григория подъехало столько нарт, что глаз не оглянет. Всюду олени упряжки, собаки рычат, полозья скрипят. Страшно Григорию стало, понял, что неладное сделал, да теперь не исправишь.

— Отдавай, — говорят охотники, — дары, которые взял! — А сами луки наготовили.

Нечего делать Григорию, пошел в лес к выскирю и отдал людям все сполна до единой белочки, кроме тех, что шаману своему привез. А шаман-то помалкивает, да еще вместе со всеми Григория ругает, заклинания всякие шлет. Взяли охотники пушнину и уехали.

С той поры не стало в тайге покоя. Начали враждовать между собой два шамана, а с ними и все манси. Ловушки разоряли друг у друга, зверей из чужих капканов доставать стали. Плохо стали жить.

Как-то не вернулся с охоты Григорий. Никто его не пожалел.

Принялись шаманы готовить один против другого бой. Плач поднялся в каждой юрте, матери целыми ночами молились деревянным идолам, прося их помирить двух шаманов. Но напрасно.

Настал страшный день.

Два шамана, а с ними хорошо вооруженные охотники встретились у большого болота.

На середину выехали два охотника, от каждой стороны по одному. Как только раздались звуки шаманских бубнов, две стрелы, как молнии, полетели навстречу одна другой, и в одно мгновение оба охотника, широко раскинув руки, пали на замерзшее болото.

Как густой снег, посыпались стрелы. Крики и стоны наполнили тайгу. Напуганные птицы и звери метнулись прочь в окрестные леса.

* В ы с к и р ь — вывороченное с корнем дерево.

Бой шел дотемна, пока солнце не спряталось за лесом. Сил оставалось немного, но уступать никто не хотел. Так прошла ночь. А на рассвете по тайге разнесся страшный грохот. Подняли головы раненые охотники, опустили луки оставшиеся в живых. Земля задрожала, и все увидели, как из-за леса появился большой человек с луком в руках.

Такого огромного человека никто никогда не видел.

Великан молча подошел к болоту и положил на его середину свой лук, а сам нагнулся вначале к одной стороне, потом к другой и выпрямился. Все увидели в его руках двух человечков, которых он поднял высоко-высоко над головой. Охотники узнали шаманов. Их крик доносился как комариный писк.

— Не бойтесь меня, люди мои, это я, ваш Бахтиар. Затеяли вы страшный бой! Зачем? Тайга большая! Места много! Живите хорошо, манси! Дружно живите!

И заставил Бахтиар шаманов народу о плутнях своих рассказать.

— Потому пришел к вам на помощь я, — сказал Бахтиар, — что всегда дружным был наш народ, не любил убивать человека. Лучше вот здесь богатство ищите! Найдете — совсем хорошо будет!

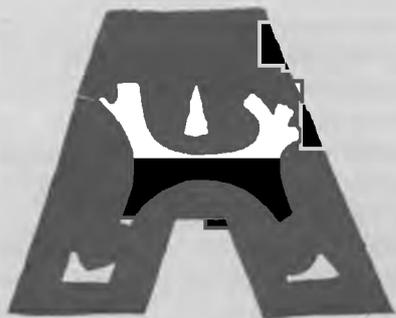
Достал Бахтиар из кармана мешочек маленький, а из мешочка песок посыпался. И сразу же горы появляться стали, а Бахтиар взял свой лук и пошел дальше, посыпая свой след песком.

И как ушел храбрый Бахтиар, так за ним след каменный остался. Далеко, видно, ушел, потому что краю и конца этим горам манси не нашли. И объехать их ни один удалец не смог.

По обеим сторонам этих гор все народ манси живет. Дружно живет.

Бахтиара с тех пор никто не видел. А старики говорят, что он ушел зеленое тепло людям искать.

ЯНЫ РУМА

рэмча был большим мастером по охотничьим делам, даже трижды бывавший в лапах медведя охотник Нерин уступал ему в смекалке. Только по первой легкой, как пыль, пороше пробежит соболь — все знают: Арэмча догонит его. Только начнут оттаивать болота, резким весенним ветром станет сдувать с вербы желтую пыльцу и прилетят утки — знают все: первая утка Арэмчи.

— Ай-ай! Ловкий какой Арэмча! — говорили охотники.

И еще слух про Арэмчу ходил по юртам, что знает он людей из-за увала.

— Живет там большой народ. Злой народ. Манси — народ маленький, ему в лесу жигь надо. Отнимут все у манси: зверя, птицу, рыбу, — так говорил старый шаман, поднимая вверх дрожащий палец. Из его красных, больных глаз, не переставая, текли слезы.

Арэмча не слушал шамана. Он знал, что далеко за увалом живут хорошие люди, совсем не такие, как говорил шаман. Арэмче вспоминался солнечный зимний день, когда снег, сверкая, до боли слепил глаза и звонкий залиvistый лай то-ропил Арэмчу.

— Эх! — вздохнул Арэмча. — Зачем Верба нашла незнакомца? Жил тихо Арэмча, спал спокойно, а теперь? Теперь нет! Теперь хочется сходить туда...

Он невольно посмотрел в сторону увала. Верба, лежавшая у ног, словно угадала его мысли, завиляла хвостом. Арэмча гладил собаку и говорил:

— Ты виновата! Зачем близко пустила? Э-эх, Верба!

... В тот день Верба нашла след, который шел с увала. Арэмча побежал по следу и увидел чужого человека. Он был одет не так, как манси, а главное, был без кос и изо рта у него шел дым. Арэмча хотел незаметно отойти, но чужой человек направился к нему. Свой дым он бросил в сторону, ружье оставил у ствола молодого дерева, с ветвей которого сразу повалились комья снега. Освободившись от тяжести, ветки словно подпрыгнули, приветливо замахали. На Арэмчу глядели добрые светлые глаза. Чужой человек подошел, похлопал Арэмчу по плечу, потом что-то сказал. Арэмча заулыбался и, услышав знакомое слово „паче“ — „здравствуй“, засмеялся, обнажив желтые зубы.

С этого дня все и началось.

Они стали часто встречаться, и скоро в юрте Арэмчи появились необычные вещи: плетеные „варежки“, сладкие белые камешки — „сахар“. Верба привыкла к гостю и уже при одном только слове „Никола“ начинала радостно лаять, нюхать воздух.

Друзья стали вместе ходить на охоту. Арэмча мог в любой снег догнать сохатого или оленя, знал каждый след в тайге, а у Николы было хорошее ружье. Ай-яй, как шибко и далеко бьет оно. Какой гром делает в лесу!

Арэмча всем сердцем полюбил Николу и называл его „яны рума“*.

Никола хлопая его по плечу и тоже говорил ему „рума“. Арэмча жестами рассказывал про свои дела, и Никола, стараясь понять его, внимательно слушал. А когда Никола брал в рот огонь, Арэмча теперь не боялся, даже сам пытался курить, но предпочитал табак нюхать, жевать или класть за губу.

Шли дни. Люди узнали о дружбе Арэмчи с человеком из-за увала. Слух дошел и до шамана. Злой, своенравный старик задумал навсегда разлучить Арэмчу с русским, навести страх на всех, запугать. Он стал исподтишка травить в соседних юртах оленей, лучших охотничьих собак, говоря потом, что вся эта напасть из-за тех, кто дружит с чужими людьми. Шаман требовал наказать Арэмчу, утопить его в реке. По юртам шел ропот, манси жили в страхе перед большой бедой.

Жалко было Арэмче оставлять свою юрту, но и умирать он не собирался. Поздно вечером, когда совсем стемнело, Верба выскочила из юрты и побежала в тайгу. Она бежала к Николе, в пауль, где стоят деревянные юрты. Кубарем свалившись с горы, по запаху нашла юрту Николы. Он вышел на ее звонкий заливисгый лай. Собака жалобно смотрела, теребила его за подол рубахи. Никола понял. Встал на прочные кисовые лыжи, подарок Арэмчи, и понесся за Вербой. Деревья словно сами раздвигались и давали дорогу. Пар валил от спины. Вот и юрта.

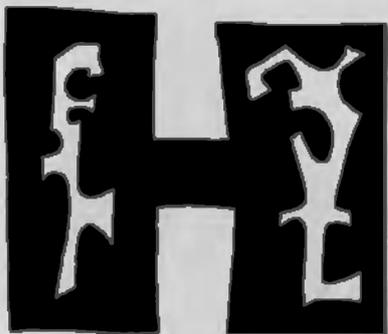
Николу встретил Арэмча, он рассказал, что должен уйти из этих мест, но что ему хочется попрощаться с ним и сказать: „Никола яны, яны рума“.

Быстро собрался Арэмча и под шум вековых деревьев покинул юрту. И когда шаман пришел, чтобы выполнить волю шайтана, Арэмчи уже не было.

Долгую жизнь прожил Арэмча. И всегда, когда Никола бывал в тех местах, где поселился Арэмча, наступало веселье. Большому другу принадлежало самое почетное место. Друзья Арэмчи тоже полюбили русского, подружились с ним. А Арэмча угощал Николу мороженой строганиной, обнимал, крича на всю юрту: „Никола рума! Яны,яны рума!“

* Я н ы р у м а —большой друг, товарищ.

ПЕРВЫЙ ПАУЛЬ

а том месте, где завод гидролизный строится, чуть от реки, на болотине, был большой глухариный ток. Птицу никто не тревожил, люди жили далеко от этих мест. Летом как-то поставил юрту недалеко от глухариного тока охотник Екор. Место хорошее: от реки недалеко, и рыбы половить можно, и оленю у реки спокойнее. Известно, у реки-то овода надоедного меньше, ветерок отгоняет его.

Привычно кочевать Екору с места на место. Сколько им исхожено, сколько провел он зим и лет в тайге — не знает! Не знает Екор, и где родился.

Знает, что на Урале, а где? Урал большой!

Собирались иногда кочевые люди то праздник медведя справить, то просто повидать друг друга. А вот чтобы всегда жить вместе — нет. Думали об этом, но боялись. „Плохо будет. Зверь далеко уйдет“, — говорил шаман. Шаману-то, конечно, хорошо, когда люди далеко друг от друга живут. Поодиночке-то их лучше обманывать: меньше худой славы о нем будет, бояться его будут, даров больше приносить будут.

Так и жил каждый кто где. Зимой по тайге купцы проезжали вместе с шаманом. Скупали у охотников пушнину, обменивали, обманывали. Так же, как и все, жил Екор...

Будто на крыльях прилетела в родные края весна. Утрами вековые деревья стояли молчаливые, настороженные, окутанные густой дымкой тумана.

— Ай-яй, как хорошо! — улыбался Екор. Он вышел из юрты встретить свою дочь с охоты. „Зачем Окра долго не идет?“ — думал Екор.

А Окра, опустив низко голову, вышла совсем не с той стороны, с которой ждал ее отец. В руках ее был только лук. Екор спросил, зачем печальна Окра, зачем ходит она на большой глухариный ток? Окра молчала.

— Поздно уже ходить на ток, — не унимался Екор, — глухарь лиственницы попробовал — голос потерял. Больше глухарь токовать не будет.

Обычно глухари вылетают на лиственницу поклевать молодые побеги, а как лиственница позеленеет, распухнет, глухари перестают токовать.

— Один глухарь токовал. Дурной глухарь, — чуть слышно сказала Окра.

— Зачем дурной? — удивился Екор.

— Дурной! Крыльями машет. Кричит, кричит. На дерево не садится. Летит высоко-высоко в небо. Потом на землю опускается. Красивый глухарь: крылья большие, голос громкий, глаза ясные, гордый!

— Зачем глухарь высоко летал? — удивленно качая головой, сказал Екор. — Глухарь всегда низко летает.

Но Окра ничего больше не сказала отцу. Она не рассказала, как надсадно кричал ей вслед глухарь. Ведь Окра знает, что громко кричать глухари не умеют.

А этот может. Какой дурной глухарь! И думать больше не хотела о нем, но не тут-то было!

Окра каждый день стала видеть странного глухаря: то он на сосне сидит, то по болотине ходит, прошлогоднюю ягоду собирает. „Ладно, — думает Окра, — попадешься мне!“

Так прошла весна. Уж и черемуха расцвела, и река с шумом унесла последний лед, и уток налетело полно. Много дел у Екора. Но куда бы ни пошла Окра, везде этот глухарь. Так низко пролетит, что крылом заденет.

Однажды Окра спала в юрте, и вдруг кто-то сильно застучал в стену. Вышла Окра — темно, а в воздухе шум стоит от глухаринного взлета. Слышно, что не один глухарь летает, а много. Только зайдет Окра в юрту, снова стук, хлопанье крыльями.

Утром взяла Окра лук и пошла на ток. А там вместо прошлогодней жухлой травы — сплошной зеленый ковер. Как вымытые, листья брусники блестят на солнце. Окра идет тихо. От утренней росы вымокли мягкие черки*. Слышит Окра, летит глухарь. Крыльями тяжело машет. Сел на ветку, обхватил ее крепко своими когтями. „Убью его! — думает Окра. — Дурной глухарь“. А глухарь, как бы подтверждая ее мысли, заорал громовым голосом. И сразу же со всех сторон налетели другие глухари. Закоткали, заскрежетали клювами и подняли такой шум, что Окра перепугалась. „Дурной“ глухарь запел, и все птицы притихли, слушая его. А черемуха, будто проснувшись, встряхнула всеми ветками, нарядная, горделивая, душистая! Окре очень не хотелось упускать глухаря, но и убивать стало жалко. Долго Окра любовалась красавцем. И вдруг „дурной“ взмахнул крыльями и все глухари вслед за ним взмахнули крыльями. В тот же миг Окра закрыла глаза и выпустила стрелу.

Открыв глаза, Окра себе не поверила: вокруг нее стояли молодые охотники, а среди них один с окровавленной ногой. Окра от удивления не могла и шагу ступить.

Первым заговорил раненый охотник.

— Спасибо тебе, славная девушка! Напрасно Окра боится нас, — сказал он, перевязывая раненую ногу цветастым платком.

Как только Окра услышала свое имя, подняла к небу руки, спросила:

— За что злой дух мучает Округу?

— Я — человек, а это мои товарищи. Мы не злые духи! — сказал „глухарь“.

И стало тихо вокруг, деревья перестали шуметь, и ветер смолк.

— Выслушай нас, Окра, и помоги нам. Мы хотели, чтобы все люди в один пауль собрались, жили вместе. Но злой дух не хочет дружбы людей. Всех, кто говорил о пауле, он сделал глухарями.

— Долго нам быть глухарями, — вздохнул другой глухарь.

— Пока люди сами в пауль не соберутся, — добавил третий.

— Как же вам можно помочь? — спросила Окра.

— Нам помогут те, кто наше дело продолжать станет. Ты никому не говори о нашей встрече, а как наступит осень, как поспеют в лесу все ягоды, значит, пора! Сумеешь позвать отца за собой, послушает он тебя — быть нам снова людьми.

И вдруг видит Окра, что все они перьями покрываться стали. А раненый глухарь только и смог сказать:

— Пойдешь по тропинке среди спелой черемухи.

* Ч е р к и — легкая кожаная обувь.

И не успела Окра опомниться, как глухари взмахнули тяжелыми крыльями полетели, а сзади всех раненый, гордый, красивый глухарь. С тех пор Окра не видела в тайге „дурного“ глухаря. Часто думала она теперь о том времени, когда поспеет черемуха и пойдет она с отцом по указанной глухарями дороге, к новому месту, где много людей и много корма оленям, где много зверя.

Тайга отцвела быстро. Наливались вкусным соком ягоды, кисти черемухи, пригретые теплым солнцем, стали буреть, потом почернели. Надо было перекочевывать. И тогда Окра попросила старого Екора, чтобы он пошел нынче на то место, которое выбрала она, Окра. Отец согласился.

Как только начал опадать лист, полетели в теплые края птицы, Окра заторопила отца в путь. Старый Екор удивлялся: рано еще, без снега оленю трудно будет волочить нарты. Но Окра не унималась, и отец послушал ее. Вот и готовы олени: сытые, сильные, шерсть лоснится, блестит. Отец помолился идолу, накормил его на дорогу салом, измазал кровью от самого лучшего оленя, поблагодарил место за уют и покой. Двинулись в путь.

Шли долго. По обеим сторонам тропинки висели наливные, спелые гроздья черемухи. Идти было тяжело. И отец уже не раз жалел, что послушал Окру.

— Так далеко в такое время ходить нельзя, — говорил отец. — Зимой другое дело, зимой олень все может, а теперь тяжело.

Шли уже много дней, а тропинке не видно было конца. Чуть дальше, в стороне, Окра увидела такую же тропинку, только с обеих сторон усыпанную брусникой. Видно было, что здесь тоже прошли кочевые люди. Еще немного дальше была третья тропа, из голубики, дальше — тропа из морошки, из черники...

И вот — место чистое, ровное, светлое. Стоит посередине чистого места юрта, и со всех сторон ведут к ней тропинки, а по тропинкам этим люди идут семьями. Из юрты выходит раненый Окрой молодой охотник. Многие узнали в нем удалого охотника Мефодия, который исчез несколько лет назад. Поклонился низко Мефодий охотникам и сказал:

— Дорогие братья, зачем нам годами не видеть друг друга? Начнем вместе жить. Кочевать меньше будем. Место здесь хорошее, ягод много, леса много, зверя много. Людей будет много. Хорошо жить будем.

— Больно хорошо будет! — утирая радостные слезы, говорил старый Екор. — Екор оленей пасти будет. Молодые на охоту ходить. Старики нарты строить, жены совики, нярки, унты шить, ребята вместе играть, учиться будут. Хорош пауль! Больно хорош!

Кругом поднимались к небу дымки топившихся чувалов, слышался лай собак, смех детей, стук топора.

С тех пор стали люди селиться в паулях.

ФИЛЬКИНЫ ГЛАЗА

уровым был наш край. Леса непроходимые, болота топкие да горы высокие, покрытые мхом-лишайником. Только ветер-разбойник и хозяйничал в необъятных просторах, заставляя кланяться себе даже вековые деревья.

Жили в этих местах кочевые таежные люди — манси.

Полюбится им место — ягеля много, — поставят юрту, живут, охотятся. Выест олень весь ягель, на новое место едут. Так жил в тайге и Филька. Кочевал с места на место: зверя пушного бил.

Примечать стал Филька, что пришлые люди появились в тайге. Кос у них нет, языком не так шевелят, одежда другая. Плохого они, правда, ничего не делали. Пройдут мимо ловушки, в которой соболь сидит, а не тронут. Но все равно сторонились лесные люди пришлых. Гром сердитый принесли с собой пришельцы в тайгу. Сердитый гром делали даже зимой. Боялись этого грома кочевые, шли дальше в тайгу. Но, словно по их следам, шли в тайгу и пришлые.

Не хотели кочевые люди с пришлыми знаться, да как обойдешь, коли соседями стали? Нет-нет да и встречались. Вначале, как встретятся, молча разойдутся, а потом и дружбу завели.

Приглянулся Фильке один пришлый. Сенькой звали. Хоть и моложе он Фильки, но видно было, что много повидал.

Спросил как-то раз Филька у Сеньки о пришлых людях, кто они, откуда. Посмотрел Сенька вокруг да и шепнул:

— Из Московии мы. Кто от жизни невыносимой скрывается, кто от гнева царского, а кто богатства пришел искать. Я вот от плетей убог. Чуть до смерти не засекли царские слуги за то, что правду хотел бедным людям добыть.

Слушал Филька, дивился: языком прицокивал, головой мотал, вроде бы понял. Станным ему рассказ Сеньки показался и непонятным. Да спрашивать больше не стал: видит, потемнел Сенька, как туча.

Крепко подружились они. Появились в юрте у Фильки вещи невиданные: котелок медный, платок красный. А однажды подарил Сенька другу своему ружье.

Вначале боялся Филька гром в тайге делать. А потом ничего, научил Сенька, понравилось.

— Емас рума*, Сенька! — говорил Филька, хлопая Сеньку по широкой спине. И подарил Сеньке оленю упряжку.

* Е м а с р у м а — хороший друг.

Как-то ночью услышал Филька звон колокольчиков. Прислушался. Не обмануло охотничье ухо — едет гость. „Зачем Сенька ночью едет? — подумал Филька. — Беда, видно, большая, ай-яй!“ Но не Сенька то был. Чужой вошел в юрту. При слабом мерцании каганца* разглядел Филька большую шубу, красное лицо. Зубы гостя горели, как подаренный Сенькой котелок. Испугался Филька: „Ай, шайтан! Зачем у человека зубы горят?“

По-хозяйски уселся гость, широко расставив большие ноги. Долго молчали. Гость стал доставать всякие подарки.

— Соболь, белка, куница, лиса, — вкрадчиво говорил он, загибая при каждом слове толстые пальцы.

Смекнул Филька, что надо гостю. Быстро повернулся и достал много шкурок, разложил их. С дорогих шкурок словно искры сыпались, рука тонула в мягком мехе. Гость крихтел. Глаза его горели. Зубы сверкали. Он достал большую бутылку, наполненную водой. Филька почувствовал острый запах. Ни одна трава в тайге так не пахла, как эта вода. Приезжий протянул Фильке полный чуман. Филька замотал головой.

Гость выпил сам, а потом сказал Фильке:

— Пей! Ноги, как ветер, будут носить тебя по тайге!

Филька выпил, поморщился. Доволен гость, налил еще. Снова выпил Филька. Закружилась у Фильки голова, ноги отяжелели, стало жарко. Шатаясь, он вышел на улицу.

Вековые деревья качались, смеялись над Филькой. Лихо стало ему. Опустился на землю, уснул.

Долго спал Филька, ай-яй, как долго! Солнышко уже смеется. Фильке на охоту идти надо. Встал, задумался. Сон, что ли, дурной видел?

Побежал в юрту, смотрит — нет мехов, нет котла, нет цветных лоскутков. Был, значит, гость? Видит Филька и по следу, что был, да уехал. Хватился — собаки нет. Увез! Обидно стало Фильке.

— Люль, люль** рума! — кричал Филька. Успокоился немного, надел кисовые лыжи и отправился в лес.

Глаза зорко видят. Только бы след найти, тогда зверь не уйдет. Знает Филька повадки и привычки каждого зверя. В тайге он как дома.

— Соболь будет. Белка. Лису найду, — рассуждал Филька. — Только собаку жалко.

Встретил он в тайге друга Сеньку. Рассказал ему о своем горе.

— Смотри, Филька, — наказывал Сенька, — плохие это люди, купцы. Обманул тебя гость, не пей больше „огненную воду“. Он еще к тебе приедет.

Не ошибся Сенька. Опять появился в юрту „люль рума“. Филька сердито смотрел на купца. „Нет, я хитрый теперь! Пить твою воду не буду!“ Филька отодвинул подарки купца в сторону:

— Нет пушнины — ты всю взял. Нет собаки — тоже ты взял. Нет у Фильки соболя, белки, лисы!

— Врешь, есть! — крикнул гость.

— Филька все видит. Рума обманывает. Рума злой. Уходи. Зачем в тайгу шел? Правды нет у тебя, рума люль!

* К а г а н е ц — плоская тарелка с жиром.

** Л ю л ь — плохой.

— О правде заговорил, образина! — зло захохотал гость. — Нет правды для вас, ясных! Нет! На вот тебе! — Он остервенело стеганул хлыстом по глазам Фильки. — Ищи ее, правду, теперь, слепое племя! Нет ее для вас!

Уехал страшный гость, опять обобрав Фильку. Схватился Филька за глаза, бегаёт по юрте. Выхода найти не может. В глазах туман, слезы так и катятся.

Совсем бедно стал жить Филька. Что делать человеку в лесу без глаз? Навестит его Сенька, погорюют вместе, да чем поможешь!

Вот раз Сенька и говорит:

-- Прощай, Филька! Пора пришла, ухожу.

Запечалился Филька: жаль, добрый был сосед. Спросил, куда уходит. А Сенька отвечает:

— Правду добывать иду.

Как услышал Филька слово „правда“, так и присел:

— Возьми меня с собой, Сенька! И я пойду правду искать! Правда будет, глаза видеть будут! Хорошо Фильке будет.

— Куда тебе? Стар уж! Вернусь я скоро, — успокаивал его друг.

— И то верно! Куда слепому да старому? — согласился Филька. Да и найдет ли что Сенька? Что такое правда? Купец говорил, не видать мне ее!

Остался Филька один. Дни уходили за днями. Осень пришла. Ночи стали длинными. А Сеньки все нет, совсем плохо стал жить Филька. Видно, и умрет Филька слепой, раз нет этой правды...

Однажды в юрту с шумом ввалился Сенька-рума. Крепкими руками стащил он Фильку со шкур.

— Филька, правда пришла, правда! — голос его звенел от радости.

И Сенька рассказал Фильке о большом счастье, пришедшем на землю. Филька верил и не верил.

— Кто дал счастье? Кто дал правду? — спрашивал он.

— Ленин! — сказал Сенька.

— Ле-нии, Ле-нин! — повторял Филька шепотом.

Сенька достал из кармана маленький портрет.

— Вот он!

Филька различил на портрете ласковые, мудрые глаза.

— Памасип*, рума Ленин, — говорил Филька, — спасибо!

— А теперь, Филька, поедем на большой праздник...

Филька никогда раньше не видел столько народу.

Здесь пели, танцевали, целовали друг друга. На большом портрете Филька увидел человека.

— Ленин! — крикнул он.

Все обернулись, Филька смутился, но не оробел.

— Филька увидел Ленина, — припевал он. — Правда открыла глаза Фильке. Как хорошо!

Жаль Фильке жизни, прожитой в темноте и обмане, но на душе — радость. Теперь будет другая жизнь. Не отрывая глаз, смотрел он на портрет Ленина. Смотрел и верил, что солнце Правды и Счастья будет светить вечно!

* П а м а с и п — спасибо.

СПАСИБО ТЕБЕ, САЛИ!

сть у манси на Северном Урале любимое озеро, и зовется оно Ватка-Тур*. Недалеко от этого озера жил в одинокой юрте охотник со своей семьей. Звали его Захаром. Был он трудолюбив. Целыми днями ходил по тайге, охотился. Знал повадки каждого зверя, умел выслеживать хитрую лису, находить зимой медвежьи берлоги, умел изловить сохатого. Только оленей никогда не ловил. Жалел их Захар, всегда любовался ими.

Однажды пошел Захар на озеро проверить поставленные на рыбу сети. Дело летом было. Время уже к вечеру клонило. Свернул он с тропки и направился к озеру. А у озера-то место топкое, зыбкое. Идет Захар, с кочки на кочку перепрыгивает, а ноги прямо по колено в мох проваливаются. Морошки кругом страсть как много! Тут же и голубика, и клюква растут. Такая красота кругом, тишина. Только мошकारа жужжит, но Захар привык, не замечает ее. Вдруг увидел Захар, что мох во многих местах прямо с корнем выдеран. Присмотрелся хорошенько и увидел по следам, что олень тут прошел.

Тихо на озере. Только и слышно, как рыба плещется да утка вспорхнет. Отдохнул Захар, за дело рыбацкое хотел приниматься, как вдруг замер: недалеко от него стоял красивый олень. „Сали“**,— мелькнуло в голове у Захара, и весло из рук выпало. Встрепенулся олень, замер на миг, потом гордо поднял голову с сереньким пятнышком на лбу и убежал прочь. Посмотрел Захар вслед ему и принялся сети вытаскивать.

По дороге домой Захар только и думал об олене.

Прошло лето, пришла и ушла осень, наступила зима. А зима на Урале суровая да снежная. Трудно Захару с семьей было жить. Юрта совсем худая стала. И в охоте удачи нет. „Или зверь далеко ушел, или сам я плохо охотиться стал“,— огорчился Захар.

Пошел он снова в лес. Идет день, другой, из сил выбивается, а на след зверя набрести не может. Мороз дает о себе знать, вся одежда заиндевела, усталость и дремота так и валят с ног.

Вышел из леса к болоту. Тут буран сильный поднялся. И видит Захар: на краю болота стадо оленей пасется. Обрадовался Захар. А олени копытами наст разгребают, из-под снега зеленый мох-ягель себе добывают.

* В а т к а - Т у р — озеро, богатое дичью.
** С а л и — олень.

А среди них тот, с сереньким пятнышком на лбу, которого он на озере видел. Стал Захар потихоньку подползать к оленям. Совсем близко подполз. Быть бы ему с добычей, да дрогнуло сердце, жалко стало убивать. Тут учуяли олени, что человек близко, и, когда Захар вышел из-за лесины, они уже умчались. Обессилел манси. Хотел повернуть обратно, вдруг видит: прямо к нему, опустив голову, идет большой и сильный олень. Попягился Захар, спрятался за лесину. А олень остановился около него и сказал ему голосом человеческим:

— Здравствуй, Захар-охотник!

Испугался Захар, на колени опустился. А олень продолжает:

— Давно тебя знаю, вижу, как ты трудишься, бродишь по тайге, а удачи нет тебе.

Захар в ответ:

— Спасибо, гордый сали, что добрым словом согрел меня.

А олень говорит:

— Будь завтра снова на этом месте. — И, подняв высоко голову, убежал.

Много передумал за ночь Захар. Не верилось, что олень с ним разговаривал.

Только показался первый луч солнца, Захар опять пошел на болото. Красавец олень уже ждет его.

— Буду я другом твоим и помощником, служить тебе буду. Садись на меня.

Быстро мчался олень по тайге.

Сколько было удивления и радости, когда вернулся Захар домой!

Легче стало жить Захару. Освободил олень его от самых трудных работ.

Все привыкли к доброму сали.

Задумал охотник отблагодарить его за доброту, за то, что он облегчил тяжелую долю манси. Думал он, думал и решил смастерить такие рога, каких ни у кого нет. Долгие вечера они сидели всей семьей и вытачивали, отделивали каждую веточку. И вот готовы рога: крепкие, ветвистые, красивые!

Весной, когда начал таять снег, а тайга наполнилась криком птиц и зверей, вышел однажды Захар из юрты, запряг оленя и посадил всю свою семью на нарты.

— Поехали! — крикнул Захар, и они помчались по бескрайним дорогам родной тайги.

Вот и Ватка-Тур! В эту пору озеро было особенно красиво. Утки прилетали стая за стаяй. Соскучившись по родным местам, они с шумом и свистом плескались в воде. Захар освободил оленя из упряжки и вывел к тому месту, где впервые увидел его. В это время старший сын Захара принес приготовленные для оленя рога.

— Вот тебе, дорогой сали! — сказал Захар.

Олень горделиво качнул головой в новом убранстве. Прошелся, красуясь, по берегу озера, копнул острым рогом землю.

— Спасибо тебе, сали, за помощь, — сказал Захар-охотник. — Иди на свободу.

— И тебе спасибо, человек. С такими рогами мне и волк не страшен, — ответил олень и, взмахнув на прощание красивыми рогами, скрылся в лесу.

Говорят, что с той давней поры все олени носят рога и дружат с человеком.

ПРО РЯБЧИКА

ногие, наверно, знают рябчика — самую мелкую из боровых птиц. Рябчик зимует в наших местах, не улетает на юг. Перышки рябчика в два цвета: полоска беленькая, полоска серенькая — весь рябой. За это его рябчиком и назвали. Мясо у него белое, волокнистое и вкусное, да жаль, что мало его. А ведь сказывают люди, что рябчик когда-то большущей птицей был, гораздо больше глухаря теперешнего.

„Фр-р-р!“ — и теперь далеко слышно, как он летит. А раньше-то такой шум стоял от его полета,

что вся пернатая мелочь шарахалась. Ну, ясно, гордился он собой. Только плохое это дело: одного себя любить, одним собою гордиться. И наказали его птицы за хвастовство и зазнайство.

Вот про то и сказ будет.

Золотая пора — уральская осень! Благодать вокруг, простор. Воздух свежий и чистый. В нарядном красном сарафане рябина, тяжелыми черными гроздьями увешана черемуха. А вокруг целое море багрово-красной брусники, перезревшей черники и словно наливной костяники.

В это время птицам раздолье. Отведдают они всего, чем богаты лесные просторы. Осенью птица вся на лету: и перелетная, и зимующая.

Вот Филя, мальчик один, заглядевшись на птиц, зашел далеко в лес, где деревья стоят близко друг к другу и вершины их, кажется, упираются в самое небо. Не впервые видеть Филе птичье царство, да все равно как-то все любо-дорого! То птичка по-особому прокричит — знает Филя: это она птенцов об опасности предупреждает, то ласково прошебечет — лучшую ягоду своему малышу показывает. Так и не заметил мальчик, что от юрты далеко ушел. А тайга большая! Ай какая большая! Вначале Филя не боялся, думал, что найдет дорогу. Но вот уж и солнце стало за лес садиться, потемнело вокруг, а места Филе все незнакомые.

Сумерки наступили, скоро и ночь пришла. В лесу сон не в сон. Совсем рано утром, только солнце показываться стало, слышит Филя шелканье. Прислушался — глухарь токует. Посмотрел — на лиственнице сидит молодой глухарь, а старый его токовать учит.

Говорит Филя старой птице:

— Я дорогу потерял, покажи, глухарь, дорогу.

Оставил свое важное дело глухарь, полетел, взмахивая тяжелыми крыльями. Долетел до озера, остановился.

Видит Филя, устал глухарь.

— Спасибо, глухарь. Лети обратно. Я теперь утку попрошу.

Присмотрелся. Утка утят летать, плавать, нырять учит: то поднимется высоко — и утята за нею, то опять сядет на озеро — и утята вместе. Попросил Филя

утку показать ему жилье человека. Утка оставила детей и полетела. Шел, шел за нею Филя, устал.

— Много дел у тебя. Стаями скоро собираться будете. Лети обратно.

Улетела утка. Отошел Филя немного, видит: косач по бору ходит, ягоды клюет, нет-нет да в сторону посматривает, любит, как молодые косачи наперегонки летают.

— Добрый косач, покажи мне дорогу к жилью человека.

Косач замахал своими черными крыльями, полетел. Филя за ним. Летел косач, пока не устал. Отпустил Филя и косача, пошел один.

Идет, идет и видит, нет бездельников в тайге. Все заняты своим делом. Сел Филя и задумался. Сидит, слушает, как тайга шумит. Вдруг как разнесется по всему лесу: „Фр-р-р!“ Вздрыгнул Филя, обернулся. Птица громадная летит, солнце крыльями закрыла. Летит не спеша. Села невдалеке, себя оглядывает, перышки клювом перебирает, приглаживает.

— Рябчик! Помоги мне! Я дорогу потерял.

Как засмеется, как завертит птица головой из стороны в сторону:

— Думал ли ты, что сказал? Я — рябчик! Я самая лучшая птица, самая красивая, самая большая! Мало тебе в тайге мелкой птицы? Вздумал еще, чтобы я ему дорогу показывал! — захохотал, зафыркал, взмахнул крыльями и улетел.

Слышали птицы речь рябчика и стали дорогу Филе показывать по очереди. Привели Филю к речке знакомой. Услышал он звуки родной санголы, лай собак. Обрадовался и бегом побежал к юрте.

— Кто тебе дорогу показал домой? — спросил отец.

— Птицы, — отвечает Филя, — хорошие птицы, только рябчик плохой.

— Зачем, Филя, его ругаешь? Рябчик — большая птица, много мяса дает.

— Плохая, плохая! Рябчик только себя любит, других нет. Рябчик над горем смеется, не слушает других.

— Зря, Филя, рябчика ругаешь. Рябчик хорошая птица, — не верит отец.

Тогда позвал Филя всех птиц. Пришел отец послушать, правду ли Филя про рябчика говорил. А рябчик только одно и то же твердит:

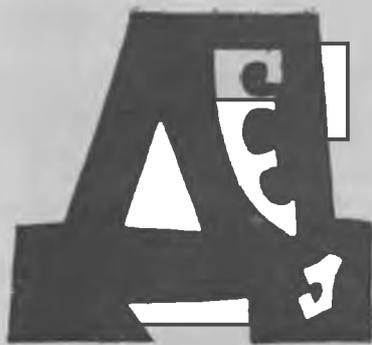
— Кто вы все против меня? Мелочь! Кто еще может сравниться со мной? Я один, а вас стаи. Я один лучше вас всех!

— Вот что, рябчик, — сказал тогда Филин отец, — вижу, зазнался ты, над всеми смеешься. А за все это разделим мясо твое между птицами. Быть тебе отныне меньше всех боровых птиц.

Тут только опомнился рябчик, испугался, взмолился. Да нечего делать.

Разделили птицы его белое мясо между собой, ему с кулачок оставили только. Так рябчик и стал самой незаметной птицей. Только и сохранилась у него привычка при взлете фыркать да крыльями шумно размахивать, но никто на это внимания теперь не обращает.

НЕВЕРНЫЙ ШАЙТАН

авно, рассказывают, это было. Промеж высоких скал в долине небольшой речушки, на видном да на высоком месте стоял деревянный шайтан, окруженный разными идолами.

Каждую осень, как пройдет по земле первая пороша, сюда с дарами и жертвами направлялись манси просить помощи у идолов, просить удачи в охоте. И каждый манси нес дары, какие запросил шаман на прошлом празднике. Дорого обходилось все это народу: много соболей, белок да куниц надо было жертвовать деревянному шайтану-идолу.

Вот, говорят, жил в одинокой юрте охотник Илья. Каждый год лучшее, что имел, носил он в дар шайтану, но удачи в охоте все не было.

Далеко в лес Илья ходить не мог: ногу изувечил как-то на охоте. А близко ходить было нельзя: тут все места шаману принадлежали.

„Ну, — думает Илья, — уж нынче я постараюсь угодить шайтану“.

С самого лета стал он готовить тотап-сундук. На каждой стороне тотаса разные узоры наладил: на одной стороне оленя быстрого вырезал, на другой — собаку свою верную, а на самой крышке тотаса — самого шайтана, точь-в-точь такого же пучеглазого, как на скале стоит.

Как пришла пора, положил он в тотап самого лучшего соболя и направился на праздник.

Издали еще Илья услышал шум горной реки. Подошел, видит: шуга идет.

Берега, кажется, шире стали. Лыдинки с шумом уносят последние листья. Полюбовался Илья осенней рекой, вздохнул глубоко, поправил малицу, откинул косы, переплетенные нитками цветными, украшенные кольцами медными да серебряными, и пошел к заветному месту.

Народу полно уж там. Все стоят на коленях и шайтану деревянному молятся.

Дары развесили на лесины. Тут и лисы, и куницы, тут и соболя, и рысь, и горностаи, и белки. А Ильюхин-то соболь ближе всего к шайтану.

Вдруг послышались удары бубна.

Сам шаман стал шайтану молиться, для людей просить удачи в охоте, в песнях да плясках мастерство свое показывать. Кружится, мечется из стороны в сторону. Кричит голосами разными: птичьими и звериными. То на землю упадет, то вскочит быстрехонько, то медведем зарычит, то собакой залает.

А бубен гремит-грохочет, шум такой стоит да гвалт, будто не сдвн шаман все это проделывает, а великое множество народу.

После такой службы усердной, весь растрепанный, ложится шаман к подножию горы шайтановой. А народ тогда обед справляет да пляски устраивает.

А Илье нынче невесело на празднике. Надоели ему за всю жизнь причуды да выдумки шамановы. Не видит он в том толку никакого.

И думает Илья: „Если в тайгу иду и зверя найду — есть удача, если припас есть — тоже хорошо, тогда я и без шамана зверя добуду. Чем помог мне шайтан деревянный? Что сделал для меня хорошего?“

Думал это Илья, а сам все на шамана поглядывал, не угадал ли шаман мысли его. А шаман лежит на земле и отдышаться не может.

„Дай-ка, — думает Илья, — я останусь да проведу, посмотрю, куда девают шаман наши дары? Как наделять будет ими шайтана деревянного?“

...Долго пели, плясали, молились все, целовали идолов, на столбах маляванных. Только поздно к вечеру, когда глаза шайтановы огнем загорелись, расходиться стали охотники.

А Илья домой не пошел. Спрятался он за зарослями багульника и ждет.

Пролетела птица, задела крылом кусты багульника. Прокричал где-то в стороне филин. Страшно стало Илье. Показалось ему, что это идолы меж собой перекликаются.

Поднялась луна из-за леса густого, осветила место заветное и речку быструю, шумную.

Кажется Илье, что камни между собой переговариваются, а это речка журчит да от лунного света поблескивает.

„Нет, — думает Илья, — не боюсь я вас, помощников шайтановых!“

Видно Илье, что шаман собираться стал, что погасли глаза у шайтана деревянного. Снимает шаман с лесин всю пушнину, снимает и складывает в кучу.

А куча растет и растет, да такая большая, что ни за что не поднять ее враз человеку.

„Вот богатство какое, сколько мехов! — думает Илья. — На это все наше стойбище может прожить долгое время.“

А шаман носит и носит пушнину. Запряг он оленей своих, да не одну упряжку, а целый ряд. И давай меха таскать, грузить да укладывать, а к шайтану деревянному и близко не подходит. Хоть бы белку одну в дар ему бросил. Нет, негодный! Все забрал себе!

А Илья дрожит теперь уже от злости и обиды. „Не жаль мне тотаса и соболя драгоценного, да обидно, что людей долгие годы шаман обманывает. Обидно, что верят они плуту лживому.“

Тут раздался крик шамана, и одна за другой мимо Ильи побежали нарты, увозя все богатство. Вскочил Илья, пошел по следу.

Хоть и больна нога у Ильи, да ходко идет он по тайге. Идет, торопится. Вдруг видит: за поворотом упряжка стоит. Шаман перевязывает нарту, плохо уложенную второпях. Подбежал к нему Илья, да как схватит его, как встряхнет!

Шаман заорал от неожиданности. Кричит что-то непонятное: не то заклинания, не то мольбу. Только Илья, как рысь, трепал его, перекидывал из стороны в сторону.

— Жадный волк! Хитрая лиса! Злой обманщик! — кричал в ярости Илья.

— Бери все! — взмолился шаман.

И сказал на это Илья:

— Я всю жизнь живу в тайге. Всю исходил ее, избродил, а богатства такого не видывал, и не надо мне его, чужого да краденого! Но и тебе это не достанется. Знай, бессовестный, чтоб ноги твоей больше здесь не было. Возьми нарту и убирайся прочь! Расскажи теперь в песнях своих, как охотник ограбил тебя, если совести нет.

Повернув шаманские упряжки, поехал Илья обратно к реке и к шайтану.

Приехал охотник к месту заветному. Всюду идолы торчат, на кольях скрипят, от ветра поворачиваются.

Страшно стало Илье, жутко.

Развязал он нарты и сбросил все в горную быструю речку. Река подхватила легкие дорогие меха и унесла их вместе с шугой.

Душа Ильи была переполнена гневом, тоской и обидой. Ему хотелось крикнуть на всю тайгу, но только стон вырвался из его груди.

Илья выпил ледяной воды, распряг оленей и пустил их на волю в тайгу, а сам направился с шайтаном расправляться. Взобрался на скалу, где деревянный шайтан стоял, и тут страшно ему стало. Однако вспомнил Илья что обман все это, осмелился. Как схватит Илья шайтана, да как бросит с утеса каменного — только шум раздался кругом. Пскатился шайтан, загрохотал о камни и бултыхнулся прямо в речку быструю.

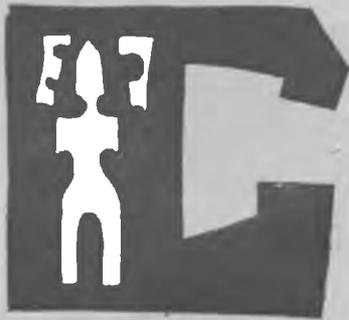
От шума да грохота сильного пробудились птицы и звери. Прокричала сонно сова и села на то место, где шайтан стоял.

А Илья домой пошел.

И не сказал никому о случившемся. А жадный шаман в эти места больше не ездывал, нашел, видно, новый молебный камень.

Знали обо всем только старые охотники, знали да помалкивали, да потихоньку над шаманом посмеивались. А место то и речку теперь Шайтанкой зовут.

СТРАШНЫЕ КЕДРОВНИКИ

правляли раньше люди праздник медведя. Гости съезжались со всех сторон к юрте Петра Анямова. Нарты колокольчиками, бубенчиками украшены, позвякивают. Едут гости — люди веселые! Встречать надо. Выходит хозяин, кланяется гостям да в юрту приглашает. Сам-то богато одет: шапка соболья, совик нарядный, на ногах унты хитрыми узорами расшиты. Богат Анямов, знатен, тысячу оленей имеет. А жаден, скуп да зол — не сыскать в тайге такого. Знают все его характер, его скупость, а едут. Так уж ведется. Анямов убил медведя. Ему в охоте удача была.

То ли у него ружье хорошее, то ли места знал, только чаще других убивал он медведей. А иные говорили, что удачу ему приносит жена молодая, Домна. И верно, она удачливая была. Анямов брал ее с собой на охоту, добычу хорошую привозил.

В юрте, в переднем углу, убитый медведь на задние лапы посажен, хозяин садится с ружьем. Гости заходят, кланяются зверю и хозяину да горсть снега бросают в медвежью морду.

— Прости меня, медведь, — говорит Анямов, — не я тебя убил — ружье, а ружье не манси выдумали.

После этого идет в юрте пир горой. Раздаются звуки санголы и бубна, начинают танцы молодые охотники. Кто охоту изображает, кто рыбную ловлю. Тут же в юрту вбегают ряженые. Шум, смех, веселье! Кто присвистывает, кто приплясывает. А старики сидят у стен, табак пожевывают да улыбаются, глядя на расходившуюся молодежь.

Не удержался и Петр Анямов. Поставил ружье около медведя, расправил расшитую рубаху и тоже пустился в пляс. Веселились только мужчины, а женщинам на этом празднике быть не полагалось, они с детьми сидели в другой юрте и готовили кушанья. Была с ними и жена Анямова. Не любила Домна мужа своего за жадность. Анямов обирал охотников, не пускал их на охоту в свои владения. А как только встретит кого в лесу, тогда беда: собак натравит на несчастного, избьет. Говорила, бывало, Домна ему: „Ну чего ты жадничаешь? Тайга большая. Много зверя в тайге!“ Только слушать Анямов не хотел ее. Зло посматривал, а тронуть боялся. Она была особенная, не похожая на других. Ей отец за великую любовь к зверю поведал тайну великую — знание языков звериных и наказ дал защищать тайгу и зверей от беды. Втихомолку манси называли ее „царицей тайги“. Да и Петр понял, что только с появлением в его юрте Домны он стал богатеть.

Пир шел уже несколько дней. Опьянел Анямов и стал хвастать перед охотниками своими богатствами, начал им строго-настроено наказывать, чтобы они не ходили в его охотничьи угодья, чтобы на сто верст вокруг от своей юрты он не видел ни одного человека. Не понравилось это охотникам. Сидят они, нахмурились, а перечить хозяину не смеют. „Не миновать большой ссоры!“ — думают все. А на празднике был молодой охотник Игнат. Он не вытерпел, да и говорит Анямову:

— Не хвастайся! Нас много, а ты один в тайге хозяин, ты один продаешь-меняешь дорогих зверей. Неправильно это. Будем убивать зверя, где захотим.

Как расходился тут Анямов! Побагровел от ярости. Глаза кровью налились. Обругал Игната и гостей, вышел из юрты, запряг своих оленей и умчался... „Что-то будет неладное! Недоброе дело затеял Анямов“, — подумали все.

Засобирались охотники и, не скончив праздника, разъехались по юртам с тяжелыми думами. Только Игнат сстался.

Вдруг послышался страшный шум: звери и птицы бежали и летели к юрте Домны, словно просили защиты. Гарью потянуло, сучья затрещали, дым повалил. Это Анямов тайгу поджег со злости. Вскоре из леса выехал и сам Петр. Бледный, испуганный, понял, что неладное натворил. А звери хода ему не дают: зубы скалят, рога наставляют, когти нацеливают — вот-вот разорвут. Он — в юрту. Знает, что любят Домну звери, здесь и ему спасение будет.

Посмотрела на него Домна злыми глазами, да как крикнет своим властным гелосом:

— Звери и птицы! Летите, бегите сюда!

И Анямов бессильным вдруг стал, ползает, встать не может. Кричит только в страхе:

— Спасите тайгу! Уберегите ее от огня!

А кругом такое пожарище, что сказать страшно, не только видеть. Подумать только: ведь первая пороша прошла, а тайга горит таким пламенем! Домна и говорит Анямову:

— Ищи теперь да проси у зверей пощады. Простят — жить тебе, нет — заслужил, значит, сам себе кару!

Знает Петр: несдобровать ему. Потянулся он к луку, хотел заставить Домну под страхом смерти просить за него пощады у зверей. В это время в юрту вбежал Игнат. Как увидел он, что Петр в Домну целится, так и бросился на него, да было уж поздно. Пронзила стрела Домну насквозь.

Схватил Игнат Петра и выбросил из юрты на растерзание зверям, а сам к Домне. Подхватил ее да скорее с ней из юрты выбежал. Раскинулись руки у Домны в разные стороны, и поднялись слева и справа от них кедровые могучие, встали сплошной стеной, зашумели, замахали ветвями огромными: не пускают дальше в тайгу пламя-пожарище. Злитесь злая пламя, трещат сучья, летят искры во все стороны. Но стоят на страже кедровые могучие, и зверь спасается в тайге, защищенной высокими кедровыми...

С тех пор прошло много лет, а кедровые по-прежнему стоят на том месте, такие большие, стройные да густые, что вершины их переплелись ветвями. Темно под ними, даже солнечные лучи не просвечивают; дождь пройдет, а в кедровнике сухо; буря поднимется, а там человек как в убежище. А уж зверю — раздолье, и говорить не приходится. Но оттого, что там кедровые сильно шумят да солнышко редко показывается, не очень любят туда ходить охотники, но уж если пойдут, то без удачи не возвращаются. Места эти, однако, и по сей день страшными кедровниками называют.

ГНЕВ ТАЙГИ

давние времена в нашем крае столько водилось всякой птицы, что только шум да свист стоял от ее полета. Все озера и болота были сплошь заняты утками: тут и горделивые селезни, и серые утки, зорко охраняющие своих утят, и утята, еле поспевающие на коротких лапках за матерью. В лесах — тучи боровой птицы. А зверья всякого полным-полно. И людям здесь тоже жилось привольно. Да только люди, когда живут в достатке, не замечают, что все, что дано им, надо беречь, охранять.

— Ай-яй, что делают! Зачем птицу зря губят? — говорил старый Тасман парням, которые для потехи стреляли серых уток.

Подбитая утка, чуть взлетев, падала, широко раскинув крылья. Осиротевшие утята, громко крича, прятались в зарослях камыша и осоки. А озорник шел дальше.

Грустно смотрел Тасман на оставленную среди кочек птицу. „Зачем бьет, если не надо?“ — сокрушенно качал он головой. Тасман шел по тайге и видел вокруг заботливых белок, и хлопотливых глухарей, и торопливых оленей. „Богата тайга! Шибко богата!“ — рассуждал Тасман. И вдруг старик остановился. В ложке, придавив своей тяжестью большой куст, лежал подраненный лось. Он силился подняться на свои длинные ноги, но снова падал, от боли закинув назад тяжелую голову с большими рогами. Тихо подошел к нему Тасман. Лось не испугался, не вздрогнул.

— Добрый человек! — промолвил лось. — Помоги мне встать на ноги, и тогда они понесут меня как ветер!

Тасман нарубил жердей и, осторожно подложив их, стал поднимать лося. Тяжело. Пот градом стекал с его лица, от усталости дрожали руки и ноги. На закате с помощью Тасмана лось встал. Теперь ноги крепко держали его. Он лизнул руки Тасмана, сказал:

— Если трудно будет тебе, старик, ищи меня. Помогу! — И скрылся за лесом.

„Кто тронул в летнюю пору зверя? Озорник. Зачем теперь зверя бить?“ — Сердце Тасмана ныло от досады.

Шло время, но озорники не слушали старика Тасмана и били зверя не жалеючи.

И вот однажды проснулись люди, а вокруг ни ветерка, ни свиста, ни взлета птиц, ни шороха зверей. Светило солнышко, но тайга стояла безмолвная, враждебная. Люди стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Многие, взяв луки, пошли в лес, поплыли по реке, но вечером возвратились ни с чем. И снова все молчали.

— Страшно ходить по тайге! Страшно! — говорили возвратившиеся с охоты люди.

Шли дни, но никто не видел птицу даже издали. Тайга опустела, вымерла. Людей одолевал голод. Они варили и ели оленьи шкуры, упряжь. Тут они вспомнили про старого Тасмана и пошли к нему.

— Это великий Гнев тайги! — сказал Тасман. — Тайга рассердилась на нас и послала свой Гнев за то, что мы не умеем беречь ее богатства. Страшный мор напустила на нас тайга.

— Добрый Тасман, научи нас, что делать? — просили люди.

Тасман вышел из юрты. На ближайшей сосне тотчас появился косач. Увидев его, люди побрели за луками, но косач тут же улетел. Поняли люди, что

только один Тасман не виноват перед тайгой, что надо его послать к Гневу тайги, и только ему он не откажет. Но Тасман был стар и слаб.

Шли дни. Люди перестали ходить из юрты в юрту. Только и слышались стоны да плач детей. А тайга все так же стояла нахмурившаяся, молчаливая. И вдруг Тасман вспомнил слова лось.

Надев малицу, Тасман направился в тайгу. Только зашел он за первое дерево, как навстречу ему выбежал лось.

— Не меня ли ты ищешь, старый Тасман? Проси! Только быстрее, я помогу тебе! — В ожидании ответа лось переступал с ноги на ногу, словно очень торопился куда-то.

Тасман тихо сказал:

— Вижу я, что спешишь ты, а просьба у меня к тебе большая.

Лось помотал головой:

— Говори!

— Помоги, добрый зверь, нашим людям! — промолвил старик. — Страшный голод пришел в наш край.

Лось помолчал. Потом сказал:

— Всех зверей и птиц спрятал Гнев тайги от человека.

— А отчего же тогда ты, лось, на свободе? — не унимался Тасман.

— Гнев послал меня найти ослушницу-сову, которая вместе с озорниками разоряла тайгу, целыми днями гоняла птенцов, обижала малых зверей. Но я обещал тебе, старик, помочь. Садись на меня, и я отнесу тебя куда захочешь!

— Вези меня, добрый лось, к Гневу тайги! Хочу его видеть.

Лось удивился:

— Да знаешь ли ты, старик, как далеко живет Гнев? — И чуть слышно проговорил: — Никто еще не бывал у него и его не видел. Как осмелился ты, Тасман?

— Вези меня, вези! Старому Тасману терять нечего!

И лось помчал его по тайге. Он бежал, обгоняя ветер, оставляя позади себя леса и болота, горы и реки. Наконец лось остановился. Кругом стояли древние хмурые кедры. Было темно вокруг: ни звука, ни шороха, ни света.

— Вот здесь и живет Гнев тайги, — сказал лось. — Иди, старик, и если не будет тебя до первого луча солнца, который на восходе пробивается через толщу этих деревьев, меня не ищи!

Старый Тасман направился в царство вечной тьмы, куда вела его выстланная кедровыми иглами тропинка.

Чем дальше шел Тасман, тем лес становился плотнее, и скоро темно-зеленая стена встала перед ним. Видно, за этой стеной и прятал от людей свои богатства Гнев тайги.

Тасман вглядывался, пока не привык к темноте.

Вдруг промелькнул луч солнышка и вспыхнул огоньком куст рябиновый. Перелетела с ветки на ветку птичка серенькая с белой грудкой, клюнула ягодку одну, другую, звонко щелкнула клювом, повернула головку маленькую с бойкими глазками к Тасману да проговорила голосом человеческим:

— Что тебе надо в моем царстве?

Тасман ласково спросил:

— Кто ты, добрая птичка?

Птичка не ответила.

— Я пришел к Гневу тайги спросить: зачем он упрятал все живое от людей? Зачем он так сердит на людей? Где мне найти его?

— Искать долго не надо, — сказала птичка. — Я — Гнев тайги:

От неожиданности такой попятился старый охотник и прсмолвил:

— Ты?! Такая-то крохотная птичка — Гнев тайги?!

— Я и Доброта и Гнев, — прощелкала белогрудка. — Когда люди разоряют лесное царство — уходит доброта, прячется, остается гнев и голод. Когда люди добры — я плачу им щедро: грибами, шишками, лесными зверями и птицами. В такую пору сама дружу с человеком, сажусь на плечо к нему.

Вздыхнул Тасман и сказал:

— Не права ты, птичка-белогрудка. Не все люди виноваты, а ты наказала всех.

Притихла птица. Услышал Тасман, как забила она одним крылышком, забегала бойко по веткам рябиновым.

— А кто в тайге не грешен? Все! Все разоряют тайгу!

— Нет, не все! — спорил Тасман.

— Нет, все! — сказала птичка. — Вчера на вечерней зорьке мальчонок маленький с румяными, как брусничный сок, щеками выстрелил из лука и попал мне в крылышко.

Замолчал Тасман.

— Ладно! — проговорила птичка. — Сейчас мы посмотрим, грешен ли ты. Попробуй-ка из пчелиного рою взять пригоршню меду. Если возьмешь — твоя правда, помогу тебе. Если нет — разговаривать с тобой не о чем.

Притих Тасман. Мысли понеслись, всю свою жизнь вспомнил.

Вдруг снова промелькнул лучик солнышка, и перед Тасманом появилось старое дуплистое дерево, вокруг которого взроились пчелы. Робко подошел к нему Тасман.

Облетела вокруг него пчелиная матка, прожужжала над самым ухом и села на соты. Дотронулся Тасман до ноздристых восковых домиков. Притихли пчелы, заползали, зашекотали руки старика. Достал Тасман в пригоршне меду чистого, только хотел обернуться, как слышит голос:

— Твоя правда, старик. Виновата я перед тобой, — проговорила белогрудая птичка. — Но озорники принесли слишком много горя. Дам я урок тебе. Если выполнишь, верну я людям богатство тайги. Должен ты в три дня найти в тайге мою сестру — ослушницу-сову, которая не подчинилась моей воле.

Что оставалось делать старому Тасману? Поспешил он выйти на тропинку, по которой пришел сюда. Лось ждал Тасмана. Увидав старика, обрадовался, а когда Тасман рассказал о сове, лось промолвил;

— Далеко это! Очень далеко! Искать ее надо у гор. Хорошо, что солнце не заходит теперь и светит все время.

И опять быстрее ветра несет лось старого Тасмана через тоскующие озера и болота, через молчаливые леса.

Вот видит наконец Тасман важную и гордую птицу, ходит она, поклевывает ягодки.

— Это сова, — прошептал лось.

Сплел Тасман множество петель из травы и насторожил их под каждым кустом. Но прошел день, другой, а сова все не попадалась в ловушки Тасмана. И опять ему помог лось. Тасман сидел, делал клетку, большую да хитрую, вдруг крик раздался. Вздрыгнул Тасман: давно не слышал он крика в тайге. Запинаясь, побежал на шум и видит: лось умудрился наступить сове копытом на крыло. Сова орала во все горло, била свободным крылом, клевала ногу лося, но он ждал Тасмана. Быстро сняв свой лузан, Тасман набросил его на сову, завязал накрепко и пустился в обратный путь.

Был на исходе уже третий день, когда лось привез Тасмана обратно в царство Гнева тайги.

— Поймал ослушницу? Спасибо, старик!

Оказавшись в полной темноте, птица поползла по земле, распутив беспомощно крылья.

— Не видать тебе отныне солнца! Не будешь летать днем, обижать птиц и зверей малых, — сказала сердито белогрудка. — Ночью на охоту вылетать станешь. — А Тасману сказала:

— Иди домой, старик!

Лось и тут послужил старику, отвез Тасмана в родной пауль. Люди радостно встретили его. Снова ожила тайга, ожили озера и реки...

Много лет прошло с тех пор, но ослушница-сова и сейчас боится солнца, охотится только ночью, а люди помнят о Гневе тайги и берегут лесные богатства.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Сенькин пай 4
2. Заколдованное слово 8
3. Таня-богатырь 12
4. Дочери Отортена 17
5. Трусливое сердце 20
6. Тимка-пауль 23
7. Агрыч 25
8. Гордая лиса 29
9. Огонь-камень 31
10. Пяташное озеро 33
11. Добрый Бахтиар 37
12. Яны рума 40
13. Первый пауль 42
14. Филькины глаза 46
15. Спасибо тебе, сали! 49
16. Про рябчика 51
17. Неверный шайтан 53
18. Страшные кедровники 57
19. Гнев тайги 59

Маргарита Кузьминична Анисимкова

МАНСИЙСКИЕ СКАЗЫ

Редактор С. Шумский. Художественный редактор Я. Черников.
Технический редактор К. Проскурникова. Корректор Л. Гупало.

Сдано в набор 5/II 1972 г. Подписано в печать 21/VI 1973 г.
НС 19348. Бумага мелованная. Формат 84×108/16. Усл. печ. л. 6,7.
Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 75 000 (35 001—75 000). Заказ 455.
Цена 38 коп.

Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, Малышева. 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

ΣΕΙΡΑ ΜΕΤΕΠΙΧΕΙΡΗΣΕΩΝ

4127611060

27 мая

Свердловск

С а с а д а н с
у р е л ь с к о

МАНСИЙСКИЕ СКАЗЫ

т
з
с
х
о
с
И з д а т е л ь с т в о

1973

